

Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ

Международная литературно-публицистическая газета. №8 (13), август 2010 г.

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Kotiranta

"Duga"

МЕНЯ
ЭКСПЕРТ

От редакции

Фестиваль поэзии «Без границ»

10 июня 2010 года в Петрозаводске состоялся первый республиканский фестиваль современной поэзии «Без границ», организованный международной литературно-публицистической газетой «Провинциальный интеллигент 1».

Стремительный успех этой газеты произошел за счет роста публикаций, увеличения географических мест авторских материалов и главное - быстрого темпа узнаваемости газеты, что изменило ее статус - из городской костомукшской она преобразовалась в международную и стала востребована не только в России, но и в ближнем и дальнем Зарубежье.

В приветственном слове ведущий фестиваль, соучредитель поэзии Сергей Львович Пашков озвучил политику развития газеты. Когда в стране уже устоялся национальный фанатизм, оккультизм, идет освернение исторической великой эпохи СССР и резкое расхождение членов общества не только по материальному и финансовому положению, но и по культуре, образованности, все больше бывших советских эмигрантов и их детей не видят престижности в русской словесности, истории, культуре, образовании. Не стоит тогда удивляться, что не только за рубежом реально утрачивается интерес к русскому языку, но внутри России, русский язык становится непривлекательным к причастности чему-то передовому и славному. Зато присутствует все больше слепой фанатизм, якобы некоего превосходства в национальном, оккультном призраке, что есть устрашающий знак предвзятой слепоты и демонстрация утраты адекватной уравновешенной справедливости. Наше издание, хотя и дает возможность выражать различные отношения к происходящему, но старается никоим образом не порочить советскую эпоху, при которой советские достижения вызывали у всего мира интерес не только к самим этим достижениям, но и к приобщению многих народов к русскому языку. В нашем издании наряду со старинными русскими потомками аристократов печатаются простые труженики, маститые авторы и начинающие из российских и иностранных миллионных городов, маленьких поселков и провинций. Все это не только попытка единения в социальном, материальном, культурном, миграционном соотношении, но это реальная политика создания единого культурного русскоязычного сообщества. Зарубежная тактика газеты будет определяться пока двумя направлениями наибольших эмигрантских волн русскоязычного населения - Израиль и США. Это относительно с уровнем интеллектуальности и духовности в этих потоках. Проблема этнического, оккультного и кланового превосходства и привилегий, а так же сопротивления или конкурентного фактора давно уже стоит в регионах России очень остро в ущерб не только законности и противодействию коррупции, но даже для государственного русского языка. Мы успешно стали сотрудничать с авторами из Татарстана, и многие авторы из этой республики обратились к творчеству на русском языке и с удовольствием стали сотрудничать с нашим изданием. Сейчас очень много неверных и откровенно ложных критериев для оценок исторических, социальных, миграционных, культурных

и других суждений и путей в модулировании развития (о чем мы неоднократно указывали в своем издании). Хотя мы не предлагаем и не учим кого - либо, а самостоятельно ведем свою политику и пытаемся объективно представлять различные модели и их взаимоотношения, но нет пока понимания наших серьезных тем и нашей политики. Однако мы надеемся,

что в конечном итоге не только придет понимание, но и здравые оценки той или иной политики в обществе и нашей политики издания.

С целью журналистского совершенствования авторского состава из Карелии предусмотрен проект творческой мастерской «Зеленая лампа».

Первым выступающим оказалась самая смелая и раскрепощенная духом поэтесса Галина Анатольевна Разбивная. Представленный ею сборник стихов сорвал заслуженные аплодисменты. Чуткой душе ответственная должность заместителя председателя Законодательного собрания Республики Карелия - не помеха. У Галины Анатольевны легко рождаются роскошные экспромты. Жаль, что она их не записывает. Природная искрометность и душа педагога проявили еще один ее талант - исполнение бардовских песен под гитару со своим коллегой из педакадемии, о чем поделилась Галина Анатольевна.

Далее слово взяла опытный корректор газеты Татьяна Вьюжная из Костомукши, уже знакомая читателям России и Зарубежья своими стихами, опубликованными в газете и сборнике, изданном в 2007 году. Меткая наблюдательность и талант психолога, вызывающий у читателей потребность думать о содержании стихов и обогащении мировоззрения. Она познакомила участников фестиваля с творчеством поэтов-земляков. Запомнился «Странник» Андрея Митюшкина, интересные и поучительные стихи «Времена» и «Обыватель», созданные самой Татьяной; прозвучали патристично стихи Любови Ивановой «Не генерал и не герой», «Расскажи мне Россию по-русски».

Философской лирикой прозвучали стихи петрозаводчанина Леонида Авксентьева «Отмеряет Земля по орбите круги» и «Валаам» - об архипелаге в одном из великих европейских озер с признаками моря - Ладоге. Часть стихов Леонида стала песнями, благодаря композитору Сергею Константинову (на фестивале мощно раскрылась песня «Размышление о земных катастрофах»).

Елена Пархоменко - это следующий выступивший поэт из города Костомукша. У нее яркие лиричные, запоминающиеся стихи: «Вы-

ражение души», «Стих искала для души», «Искрове-рь», «Научиться любить», «Святая обитель своей души», «Зимняя сказка».

На фестивале отмечены были лучезарные стихи талантливого художника «Провинциального интеллигента 1» Маргариты Рогозник. Все присутствующие горячо и искренне благодарили Маргариту Рогозник и за её прекрасное художественное оформление газеты «ПИ 1»

С благодарностью был воспринят трилистник (сборник стихов) петрозаводских поэтов Алексея Ливанова, Дмитрия Свинцова и Алексея Гусакова, прозвучавшие в музыкальном сопровождении.

С благодарностью и признательностью были отмечены публикации в «ПИ 1» петрозаводских авторов Олега Мошникова, Андрея Сунгурова, Федора Панышина, Игоря Монакова, Юрия Иоффе, Дмитрия Гордиенко и других. Так же подчеркнута положительное сотрудничество с авторами из поселков Чупа и Ледмозера, Ольгой Бурьгиной и Татьяной Дунаф. В частности эти авторы уже стали известными не только благодаря газете «ПИ 1», но проводимой политики газеты, когда работы авторов из карельской глубинки публикуются в различных регионах России и они уже таким образом гастролируют по регионам и странам.

Украшением поэтического фестиваля стало выступление самодельного композитора Сергея Константинова, превратившего свое выступление во фрагмент Грушинского фестиваля бардовских песен. Он чутко воспринимает стихи и покоряет слушателей каждой песней. Именно Сергей исполнял песни, созданные им на стихи Дмитрия Свинцова, Леонида Авксентьева, Алексея Ливанова и других поэтов.

После первых мероприятий в библиотеке, фестиваль продолжился на природе, где бурно шли обсуждения того, как и на каком уровне проходит встреча в Петрозаводске. Обсуждались сами авторы и их произведения, политика газеты «ПИ 1» и многое другое. Итог дискуссии подвел Игорь Монаков. Он, в частности, сказал, что газета за один только год сделала большой шаг в современное литературное сообщество русскоязычных писателей, но главное - все больше завоевывает в этой среде достойное положение серьезного международного литературно публицистического издания! Его полностью поддержал Федор Панышин, отметив феноменальный скачок в развитии уровня издания для очень молодой и провинциальной газеты. Даже особая бумага и уровень формирования материалов и верстки в конечном итоге уже визуально дают авторам и читателям воз-

можность быть приобщенными к этой газете, что тоже важно. Постоянная работа с региональными представителями, все более устойчиво объединяет вокруг издания уже разные региональные литературные сообщества и создает так сказать предпосылки для открытия новых литобъединений в регионах, которые вливаются уже в русскоязычное сообщество, обогащая русскую среду и русскоязычных членов мирового литературного сообщества. Это по сути государственная политика, которую должны не только отмечать органы власти Карелии, что они продемонстрировали на этом фестивале, но и помогать укреплять и развивать материальную базу, чтобы она так же способствовала интересу к государственному языку.

В свою очередь Пашков Сергей поблагодарил всех петрозаводчан за оказанную поддержку, за внимание и прекрасный прием. Учредители и редакторский состав газеты «ПИ 1» благодарят тех, кто нашел возможность посетить и выступить на этом фестивале от Законодательного Собрания Республики Карелии, от правительства Карелии, от системы библиотек и образования, писателей и просто гостей. Благодарим и тех карельских авторов, кто по разным причинам не смог попасть на эти мероприятия, но оказывал поддержку при становлении этого издания.

Ни один выступающий поэт не остался без аплодисментов. А все участники фестиваля стали мудрее и оптимистичнее - это означает, что первый карельский фестиваль организованный газетой «ПИ 1», достиг цели. Надежда на активность карельских творческих людей сотрудничать с изданием, как и надежда на реальную поддержку в Карелии от властей разного уровня в укреплении и развитии этого издания все же появилась, но время и дела покажут избыточность или нет этих надежд.

Во второй день фестиваля состоялась экскурсия в творческий центр «Маленькая страна», которым заведует художник - педагог Малиновская Любовь Ивановна. Это было просто чудо: участники ходили, словно дети, по сказочной стране кукол. С изумлением смотрели на историю кукол в комнате «Старых чемоданов», где оформлены выставка истории кукол - от старинных кукол из Франции, с человеческими волосами, до современных авторских кукол. Побывали в детских мастерских и классах, при этом чувство близости своего детства не покидало на экскурсии никого из взрослых. Это просто чудо, и мы постараемся получить побольше информации об этом уникальном творческом центре, которым следует дорожить и гордиться Карелии.

«Провинциальный интеллигент 1» озвучил много стихов наших земляков, живущих в России и за ее пределами. Очень важно узнать, чем живет твой земляк, что его беспокоит. Спасибо газете за эту возможность, за путешествие по регионам России, приятно увидеть красоту Хайфы, проехать по Нью-Йорку в такси, путешествовать со Златой Раповой по городам Европы (ее проза как стихи).

Обо всем этом невозможно поговорить из-за ограничения времени, но для этого существует возможность новых встреч в нашей международной газете!

Интеллигент

Друзья, сегодня в гостях у «ПИИ» детская писательница, поэтесса, чьи произведения наполнены светом, юмором и добром - Наталья Иванова. Наталья - женщина многогранная: кандидат наук, мать двух детей, автор детских книг, а в последнее время и председатель жюри детских конкурсов. Человек неординарный и креативный. Наталья согласилась дать интервью, чем мы с радостью воспользовались:

- Наталья, читатели нашей газеты познакомились с Вами этим летом и проявили интерес к Вашему таланту. Но перед тем, как спросить Вас о творчестве, расскажите о себе. Кто по профессии Ваши родители, какой путь прошли до того, как начали писать?

- Я выросла в Москве, с мамой, Екатериной Иннокентьевной Ивановой. Она приехала в послевоенные годы из Сибири в Москву учиться в консерватории. Поступила по классу знаменитого в то время пианиста Владимира Владимировича Софроницкого. После окончания учёбы осталась в Москве работать в музыкальной редакции – сначала в Иновещании, а потом на Всесоюзном радио.

Отца я не помню, так случилось, что он всегда был не с нами. Знаю только, что он физик-атомщик и разрабатывал одну из первых АЭС, «Томск-7». Оба родителя родом из Томска.

А я по профессии химик, выпускница химического факультета МГУ, кандидат наук. Химию любила ещё до начала изучения. На лето выдали учебники за седьмой класс, и я, закончившая шестой, прочитала за каникулы учебники химии и биологии – было очень интересно.

Химиком была моя бабушка, мамаина мама, которую я застала лишь в раннем детстве. Но когда я поступила в МГУ, родственники подарили мне книгу Д.И.Менделеева «Основы химии», изданную аж в девятнадцатом веке! По этому учебнику училась моя бабушка, Наталья Александровна Барышева, на химико-биологическом факультете Томского университета.

Интереснейшим человеком был дедушка, мамин папа, Иннокентий Васильевич Иванов. Он был «универсал» – музыкант (играл на фортепиано, гитаре, балалайке, мандолине), столяр, строитель, садовод, часовщик, агроном, нянька для внуков, удалой почти всё. Про деда написана глава в книге Ю.Васильева и А.Широкова «О русских народных инструментах». Всего нас у дедули было семеро внуков, и каждый унаследовал какой-то его талант, но всё вместе – никто.

«Сочинителей» в роду не было, но все много и постоянно читали сами и детям. Думаю, от привитой мне с детства любви к книге и тянется ниточка, которая привела к занятию литературой. Ещё почему-то с детства мне хотелось не только сочинять, но и выпускать книжки. В четыре с по-

ловиной года, лишь научившись писать печатные буквы (в разные стороны, кривоватые), я «сшивала» маленькие книжечки, писала на обложке названия вроде «Кто сказал мяу? Лев Толстой», внутри размещала некие тексты (каляки-маляки) и рисунки. А на последней странице обложки обязательно стояли слова «тираж» и «цена», всё, как положено. Наверное, потом во мне «заглох» несостоявшийся издатель. Но эти книжечки-самodelки хранятся в семье до сих пор.

Считаю, что в жизни нет ничего случайного, с «младых ногтей» закладываются кирпичики будущей профессии или хобби. Трудолюбие, интерес к творчеству у меня из детства, от мамы и дедушки.

- Вы помните свой первый литературный опыт? Как это случилось?

- Рифмовать я незаметно начала в восемь лет. Случилось это так. Нужно было, по заданию учителя, написать сочинение по мотивам сказки «Колобок», сначала составив план. В те времена «литературному творчеству» детей обучали чин по чину, с первых классов. Неожиданно для меня самой, план про встречу Колобка с зайкой, волком, мишкой и лисой оказался зарифмованным. Моя первая учительница Антонина Петровна не поверила, долго допытывалась, откуда я списала. В следующий раз она решила меня испытать и задала другую тему. Ответ был мною довольно быстро снова выдан в стихах. И теперь в школе ко мне пришла «слава поэта». А когда я училась в третьем классе, в школе состоялся литературный конкурс ко Дню Победы. Антонина Петровна подозвала меня и доверительно сказала, что стихи уже должны быть не про колобка, а очень серьезные, о Родине. Я в девять лет была ответственным, искренним октябрёнком, и от души написала первое стихотворение на конкурс. Оно и победило в итоге, хотя в конкурсе принимали участие ученики с первого по десятый классы. Полученная тогда грамота была моей первой «литературной премией».

- Кто или что является вдохновителем Ваших литературных образов?

- Пишу я главным образом для детей, и вдохновителями являются мои дети. Много придумываю сын Дима, у него неожиданные вопросы и ответы об окружающем мире. Он же часто ненароком «открывает» новые словечки. Например, слова «Лукомotive», «Лунёнок», «Гиппополам» я услышала от Димки, потом появились мои одноимённые стихотворения. Значит, сын – мой соавтор. Сейчас ему 9 лет, он перешёл в четвёртый класс. Сам тоже сочиняет сказки, одна из них, «Баба Яга и её десять внучат» опубликована в газете «Школьник». А дочка Катя на днях получила красный диплом биофака МГУ. В детстве Катя тоже сочиняла стихи, некоторые из них, по инициативе её учительницы, были напечатаны в газете «Первое сентября».

- Наталья, кто Ваши любимые авторы?

- Тут я не буду очень оригинальной, если начну с Алана Александра Милна, Александра Сергеевича. Думаю, не надо объяснять, что значит Пушкин для всех нас. Из детских писателей мы с детьми всегда читали и любили Виктора Драгунского, Эдуарда Успенского, Николая Носова, Владислава Крапивина, Анатолия Алексина, Аркадия Гайдара, Николая Печерского, Веру Чаплину, Астрид Линдгрен, Туве Янссон, Эно Рауда и многих, многих других, всех не перечислишь. Сейчас Дима «бредит» Гарри Поттером, знает почти наизусть. Я стараюсь не отставать, и прочитала первые два тома. Считаю, что книги Джон Роулинг написаны

лучил паспорт, и мы без проблем купили билет. Конечно, мама долго заглядывала в глаза проводнице, брала её за пуповку, говорила, какой замечательный мальчик без взрослых поедет в вагоне, просила за ним присмотреть.

И вот я еду! Попутчики в вагоне почти все сибиряки, великодушный и гостеприимный народ. Наперебой нахваливают свои реки, тайгу и твердят, что я правильно придумал провести каникулы.

Поезд «Москва-Барнаул» с прицепным вагоном «Москва-Бийск» простучал по колёсам три тысячи вёрст, и на перроне я вижу дедушку! Начало июня, а у него на лице уже загар, пушистые пшеничные усы выгорели и стали похожи на солому. В глазах затаилась хитрая улыбка.

- Ну, москвич, что такой бледный? Уточку хоть захватил? Поедем на горную речку, там тайменей и хариусов не счесть! Завтра же отправляемся в деревню Лебедское, она стоит на берегу среди дремучих кедров.

Наступает долгожданное завтра. Дедушка мчит меня в мотоциклетной коляске по Чуйскому тракту. Проезжаем знаменитое село Сростки, где родился писатель Василий Шукшин. Это по дороге объясняет дедуля. Он большой эрудит, наша Машка, видимо, пошла в него.

Вот и деревня Турочак. Теперь до Лебедского рукой подать, но предстоит на плоту, вместе с мотоциклом, переправиться через реку Лебедь. Какое название! Лебедь и есть такая - чистая, извилистая, как шея птицы. Она горная, но там, где приотлилось Лебедское, течёт по ровному месту. Посему она здесь спокойная, тёплая. И чистая, как все реки Алтая. Здесь мы с дедушкой и будем ловить тайменей и хариусов.

Мы переправились, даже не утопив мотоцикл! Потому что нас встретил местный па-

От сердца к сердцу

в хороших традициях классической английской литературы. Кстати, в детстве я перечитала всего Чарльза Диккенса, Герберта Уэллса и Артура Конан Дойла. Конечно же, английской литературой мои интересы не ограничивались. Жюль Верна, например, я любила не меньше. Обожаю научные и научно-популярные книги для детей, например, «Математические головоломки и развлечения» Мартина Гарднера. Благодаря этой книге в шестом классе я оказалась в физико-математической школе.

Некоторые замечательные авторы у нас незаслуженно забыты. В детстве я заспала с книжкой сибирского писателя Юрия Магалифа «Жаконя» о приключениях тряпичной обезьянки. А сейчас не могу купить её своим детям, она почти не переиздаётся.

Люблю читать с детьми Альберта Иванова, «Всё о Хоме и Суслике». По некоторым главам этой книги есть чудесные мультфильмы. Нравятся короткие трогательные истории Геннадия Цыферова, наверное, наиболее известная из них – «Паровозик из Ромашкова».

Из новых, «нераскрученных» авторов, но раскрывшихся благодаря Интернету, я бы назвала Владимира Бредихина, Римму Алдонину, Кристину Стрельникову, Александра Либермана, Константина Вуколова, Лидию Гусеву, Елену Анохину, Наталью Карпову, Светлану Видерхольд.

- Читатели «ПИИ» Вас знают как детского поэта, но не догадываются о том, что Вы замечательный прозаик. Сегодня мы познакомим читателей с Вашим произведением «Пёсье время в Кедраче». Так кем Вы себя ощущаете больше поэтом или прозаиком?

- Я не считаю себя прозаиком. Редактор одного из ведущих детских литературных журналов заметила по поводу моих попыток сочинять прозу, что это просто напоминает телефонный разговор с подружкой – скорее, относится к разговорному жанру. Да, так и есть – записываю так же, как рассказываю. Прозу я начала сочинять на детском литературном сайте «Брайлленд». Сначала это были коротенькие «сказки наизнанку» – «Как репка вытянула деда», «Как теремок сам развалился», «Как Колобок лисичку съел», «Цыплёнок Рябёнок». Потом пыталась написать несколько рассказов. «Пёсье время в кедраче» – скорее, автобиографический очерк, по воспоминаниям детства, о моих алтайских каникулах.

- Если не литература, чем занят Ваш ум и душа?

- У меня много разных увлечений. Без дела я не сижу. Даже редко смотрю телевизор, некогда. Люблю плести изделия в технике «макраме» – абажуры, подстаканники, панно. Лучшие всего для этого подходят самые простые, бумажные или пеньковые верёвочки. Раньше много вязала – свитера, шапки, шарфы для всей семьи. К сожалению, совсем не умею рисовать, а так хотелось бы быть иллюстратором собственных стихов. Но мне повезло: детский художник – мой двоюродный брат Дмитрий Ильин, он живёт в Перми.

В молодости много раз была донором, пока здоровье позволяло. Потому что всегда хотелось быть кому-то полезной.

Если мне, казалось бы, нечего делать, я клею свежие обои или передвигаю мебель по-новому. Руки и голова у меня всегда чем-то заняты, на даче я делаю какие-то полочки из гриба чаги, строю с сыном шалаш, составляю сухие букеты, пропалываю грядки, жарю шашлыки.

- Часто встречаю Ваши работы на различных конкурсах и открытых литературных

ренёк Петька, он мастерски направляет плот длинным баргом. Петя и станет моим другом на всё время каникул. С ним мы будем ставить мормышки на рыбу и сидеть в лодке с удочками. Третьим нашим товарищем будет пёс Черныш.

Никогда больше я не видел столько рыбы, как в то лето. Взрослые не успевали обрабатывать улов - его и вялили, и коптили-солили. Надо ли говорить, что рыба была на завтрак, обед и ужин, на первое, второе и третье. А на десерт были ягоды и молодые кедровые орехи!

Почти каждый день мы направлялись в кедрач, покрывавший горы на другом берегу Лебеди. Уходили с Петькой и с кем-то из местных взрослых. Черныш провожал нас до плота, а дальше его, беднягу, не брали. Он долго лалял на берегу нам вслед. Когда мы возвращались вечером, пёс встречал, радостно взвизгивал, кидался навстречу подливающему плоту.

Не всегда удавалось добраться до кедрача, если по пути попадались заросли дикой смородины. Она была всех цветов - чёрная, белая, красная (которую на Алтае называют «кислица»). Ягоды были крупные, величиной с фундук, они так густо облепляли кусты, что почти не видно было зелени. И тару, подготовленную для кедровых шишек, приходилось использовать для смородины. Конечно, животы мы тоже набивали. Но иногда мужественно проходили мимо этого царства-кустыни и добирались по горе до кедров! Вот это исполины! Таких деревьев нет в Москве. Своими вершушками они уходят прямо в облака. И везде - на ветках, и под ними сплошь - шишки, шишки. Среди хвои мелькает полосатый бурундук, любитель полакомиться кедровым орехом. Этого зверька у нас в средней полосе тоже не встретишь.

порталах. И они почти никогда не повторяются. Сколько произведений Вы подарили детям?

- У меня только на сайте «Я сам!» выложено 197 стихотворений и сказок.

Удалось издать книги в нескольких российских издательствах. В Сибирском университетском издательстве – сборники загадок в стихах – «Кто угадает?», 2007. Второе издание, дополненное, 2008, «Про всё на свете», «Школьные загадки», 2008. Там же вышла моя книга с соавтором – «Кем быть? Как представиться?» – это стихи к карнавальным костюмам.

В молодом московском издательстве «Козерог» вышли две книги раскрасок с моими стихами – «Плюшевый городок», 2009, «Карандашная страна», 2009, и книга новогодних сказок в стихах – «Новый год на огороде», 2009.

Много книжечек на картоне для малышей, моих и в соавторстве, вышло в издательстве «Росмэн». Например, «Верные друзья», «Морская прогулка», «Лесное приключение», «Наши соседи». Это из похощений весёлых зверят – мышки и мишки. Там же изданы книжечки профессий для мальчиков и девочек, по четыре в серии, и много других развивающих книжечек, в том числе совместно с телепередачей «Спокойной ночи, малыши».

Люблю публиковаться в детских и взрослых журналах и сборниках. Благодаря общению через Интернет удалось напечататься в журналах «Кукумбер» (Москва), «Кважды-ква» (Минск), «Этот мой мир» (Барнаул), «Маковец» (Москва), в нашем замечательном альманахе «Провинциальный интеллигент 1» (Костомукша), газетах «Школьник» (Москва), «Зверьё моё, любимое» (Южно-Сахалинск). Меня радует широкая география – от Карелии до Сахалина. Эти возможности нам, авторам, предоставляет теперь всемирная паутина.

- Есть ли у Вас мечта? Считается, что загаданное под Новый год сбывается потому, что в это же мгновение миллионы людей думают о хорошем и создают огромное положительное биополе. Наши читатели могут создать это биополе для Вас, пожелав сбыться мечте!

- Я хочу, чтобы всё хорошо сложилось у моих детей и у всех других ребят. Чтобы в Москве, в России и в мире стало спокойно и безопасно. И только тогда сбудутся другие наши мечты.

Конечно, мечтаю издать побольше своих книг. Хочу с твёрдой обложкой, с яркими иллюстрациями, хорошо бы напечатать все сказки и стихи, и совсем большими тиражами. А самая главная творческая мечта – издать книгу «Необычайные похождения Пробиркина в Стране Химических Элементов». Это химическая сказка из серии «Химия для малышей». Она у меня написана, в работе я старалась соединить три своих любви – к детям, к науке химии и к сочинительству. Но напечатать подобную, «некассовую», книгу, очень непросто. Пока вышла лишь одна глава в газете «Школьник».

- Наталья, как Вы считаете, что нужно для того, чтобы стать востребованным автором?

- Чтобы стать автором, интересным аудиторией – будь то книга или литературный сайт – прежде всего нужны талант и трудолюбие, а для меня ещё важно и чувство юмора, и самоирония.. Доброжелательное отношение к коллегам по перу («чувство локтя») тоже не помешает. Этими локтями нельзя расталкивать товарищей, чтобы вылезти вперёд. И конечно, главное, надо любить тех, кому посвящаешь своё творчество – читателей, маленьких и больших. Сочинительство, как донорство, потому что любовь и доброта могут перетекать от сердца к сердцу.

Ольга АКСЕНОВА

Пёсье время в КЕДРАЧЕ

Говорят - ура, каникулы! Почему ура? Боюсь, вы не знаете, что значит «каникулы» по-латыни. А я знаю! Моя сестра учится в МГУ на биолога. А биологи, можете поверить, изучают латынь! И Машка знает по-латыни растения, животных и разные человеческие кости-органы. Вы спросите - при чём тут названия животных? А вот при том! «Каникулы» по-латыни означает «пёсье время»! Кроме латинских атласов, Машка читает книги. Любит, например, писательницу Надежду Тэффи. А у Тэффи есть книга «Пёсье время», то есть «Каникулы».

Узнав значение слова, я не поверил Машке. Ну, почему время - пёсье? Собаки не учатся в школах, кроме некоторых пород. У собак не должно быть каникул, или, наоборот, у них всегда каникулы. Но Машка всеосторонне развита. Она объяснила, что летом Солнечная система входит в созвездие Пса, и наступает это пёсье время.

Тут я задумался. Решил не выкидывать драгоценные месяцы свободы псу под хвост, сделать это время своим. Но как? Придумать нужно что-то особенное, приключенческое. Впрочем, думал я недолго. Мой дедушка живёт на Алтае! Пустяки, что трое суток в поезде от Москвы! Посмотрю по дороге Россию!

Осталось уговорить маму, отпустить меня не с кем. У Маши учебная практика, родители до августа на работе. Но мама согласилась как-то быстро. Словно для неё, наоборот, мой учебный год - пёсье время, и вот можно отправить меня подальше. Недавно, в 14 лет, я по-

На кедры я, вслед за Петькой, залезал ввысь метров на тридцать. А это высота моего двенадцатизатяжного дома в Москве. Нашей задачей было трясти ствол, тогда шишки падают вниз, где их собирают в большие холщовые мешки. Орехов мы набивали немеряно. Их потом и запасали, и щелкали по вечерам всей дружной таёжной компанией. А пробовали ли вы когда-нибудь кедровые орехи, запечённые в золе? Запекаются они прямо в шишках, и ничем более вкусным мне до сих пор лакомиться не приходилось. Дедушка говорил, что это ещё и полезно.

В то лето и грибов было сказочно много. Счёт крепким белым шёл на десятки ведёр. Сушили уже не сами грибы, а «грибную муку», чтобы можно было их компактно разместить на хранение. На Алтае всё крупнее и основательнее, чем в Подмосковье. Даже град один раз выпал размером с куриное яйцо. Не всем удалось попрыгаться по домам, водомер реки Лебедь (местный метеоролог), дядя Коля, получил ранение градиной в лоб.

И звёзды здесь больше и светят ярче. Они высыпают веснушками на небе, где-то среди них то самое Созвездие Пса. А кедровые по ночам упираются прямо в звёзды.

Жалко, что наступил день отъезда. Везу в Москву сушёную грибную муку, вяленую рыбу, мешок кедровых орехов. Для Маши везу целый гербарий с колосками ячменя, пшеницы, пушистыми стрелками горных цветов эдельвейсов. Петька солидно пожимает мне руку. У ног вьётся верный Черныш, он говорит мне на прощание: «Гав! Это было твоё время и моё, пёсье! Это было время каникул! Наше время!»

Наталья ИВАНОВА

Юрий Иоффе (миниатюры)

Вздых

По лестнице поднимается невысокая женщина средних лет, ведущая на поводке маленькую собачку, тоже средних лет.

Внезапно женщина вздохнула. Ей вторил звук разрезаемой пасти и легкого подвывания. Это вздохнула собачка.

Диагностика

Сегодня заезжал в автосервис проверить свою маленькую машину – зелененького ослика. Пока автомеханик ее придирчиво изучал, маленький котенок столь же придирчиво, с жадностью, но деликатно, изучал меня, используя свой носик, шершавый язычок, зубки, маленькие лапки и коготки. Были обследованы воротник куртки, мои уши и даже голова с волосами. Устав от столь утомительной работы, котенок удобно устроился на мне, перебирая коготками и легонько урча при этом.

Результатом диагностики моей машины явились мелкие неполадки, для устранения которых я купил необходимые детали. О результате диагностики меня котенок не сообщил. Но даже если б и сообщил, детали все равно невозможно было бы найти.

Документ

Сегодня в руки мне попался один документ. Обычная официальная бумага, каких немало летает по всяким кабинетам.

На документе в левом верхнем углу стоит виза: «Мясникову». А внизу, под визой – скромная подпись: «Мясников».

Знаменитая фамилия

Покупаю сегодня в магазине джинсы. После того, как расплатился, мужчина-продавец решил занести меня в список постоянных покупателей. Спрашивает фамилию, я в ответ называю ее по буквам, чтобы не перепутал.

Услышав, продавец произносит:

- Знаменитая фамилия.

Я отвечаю полуслушай:

- Как у Путина?

- Да нет, знаменитее, - слегка усмехнувшись, говорит продавец.

И я подумал: «Президенты приходят и уходят, а мы – остаемся».

Копейка

Обычный поход в магазин в вечернюю пору. Ничего особенного.

Правда, пока я ожидал, когда миловидная девушка-продащица нарежет сыр в отделе, где наряду с этими самыми сырами продаются всякие колбасно-сосисочные изделия, дважды доносилось кошачье мяуканье. Не знаю, то ли чей-то мобильник вызывал своего хозяина такими странными звуками, то ли действительно где-то прошмыгнул милый зверек из породы кошачьих.

Но когда девушка наконец-то подала сыр, я ей в ответ вежливо сообщил про слышанные мною голоса. Уходя, заметил, как продавщица с беспокойным видом заглядывали под прилавок, совершенно забыв про нетерпеливо ожидающих покупателей.

Подхожу к кассе для расчета. Потребовались, наряду с бумажными купюрами, три копейки. Пока рыскал в своем кошельке в поисках мелочи, мы с кассиршей успели непринужденно обсудить значение копейки как показателя финансовой стабильности банковской системы Российского государства.

Поиск мелочи занял не больше минуты.

Великая тяга к познанию

Иду по улице. На дереве висит мокрый обрывок старой газеты, каким-то чудом занесенный на такую высоту.

Вдруг на ветку садится огромная ворона. Присматривается к висящему листку, затем осторожно берет клювом и сидит, задумавшись. Вероятно, решает: сначала прочитать, а потом утащить в гнездо, или сразу утащить и там неспешно почитать.

Косточки

На автостоянке, где я держу свою машину, живет щенок. Обыкновенный такой, маленький песик, черный с белым, и с коротеньким хвостиком-завитушкой. Отроду ему несколько месяцев, ну может, полгода. Откуда он прибулдылся – неизвестно. Да, в общем, это и неважно. Живет и все тут.

Обитают он главным образом возле будки дежурного, иногда убегая в своих играх к стоящим машинам, но недалеко – побаивается самостоятельности.

У меня иной раз случаются кости с остатками мяса после супа, и я отношу эти гостинцы щенку. Однако меня он дичится и близко не подходит, гладить себя не дает. Держит дистанцию. Я же не настаиваю. А гостинцы отдаю дежурному.

И общение наше происходит лишь посредством суповых косточек.

Маленькие радости человеческой жизни

Бульон, сваренный своими руками после долгого перерыва. Летняя зелень, вдруг купленная в то время, когда вокруг снег. Новость о том, что моя почти четырехлетняя внучка уже бесстрашно катается на коньках. Вновь вернувшаяся пора, когда по утрам уже светло, а на улице еще пустынно. Неунывающие птицы, поющие за окном, несмотря на мартовские морозы. Солнечный свет, пробивающийся ко мне в жилище.

И еще много другого разного, что дает жизненный смысл.

По следам А.П.Чехова

Каждому человеку необходимо постоянно по капле выдавливать из себя дьявола.

Северный ветер

Хорошо в карельском лесу! Хорошо снежной зимой и звонким комариным летом. Хорошо и поздней осенью, когда остывает солнце и ватную сонную траву сковывает иней. Еще не подул стылый Северный ветер, не намет непролазные сугробы, не укрыл белой шубой заиндеветую позолоту. Бело-зеленое кружево обрамляет шуршащую, накрахмаленную инеем тропинку. Будто сама Земля, белолицая невеста, протягивает украшенный дивным подзором рушник могучему великану – триобхватному сосновому кряжу. Теплая червленая кора – кольчуга древнерусского воина. Красные бугристые сапоги. Облитый солнцем богатырский шлем. Ветви, как заткнутые за пояс ножи. Поднята на плечо тяжелая палица. Плащ сверкающей смоляной лавиной стекает в распадок с журчащим ручьем. Тихо на сердце. Тихо в природе. Спит за зеленым косогором Северный ветер. Осенью, когда умирают листья, холожат сумерки и согревают краски, настаиваются настоящие чувства. В эту пору они по-особенному жгутся, не рана кожи, не жалея горла. В эту пору обостряется ощущение уходящей жизни... И, как рыбий жир в болезненно-чутком детстве, как госпитальную микстуру в застуженной караульной юности, как дух сосновой коры, я пью из ложечки – осень. Горько. Жизненно. Незабвенно...

Отпуржила зима, отряхнула от рыхлого снега дороги и взгорки. Приготовилась к встрече весны. И задумалась, замечталась. Не торопится дальше на север... Пока не раскрылся ледяной озерный цветок, и верба на стылом, ветряном берегу не брызнула ввысь пушистыми почками, я

Чувство детства

Все реже и реже захожу на окраину города, на улицу Некрасова. Старая Кукковка. Тогда, в детстве, она была одна, опоясанная еловым лесом и ледяными ручьями, не чета нынешним коробочным новостройкам. Великая Деревянная Кукковка! Со своим кинотеатром. Двумя магазинами. Долгой снежной дорогой от дома к заledenелому роднику, верхом на салазках. И-их! Вот-вот из-за поворота покажется длинный оштукатуренный дом – детские ясли.

Здесь, в яслях, среди других ползающих и хныкающих ребятишек, я впервые увидел себя со стороны – маленького мыслящего человечка, сидящего у ящика с детскими игрушками. Это произошло так неожиданно и ярко, как будто из кучи всевозможных вещей и событий я выхватил нечто особенное, что не покажешь никому из знакомых и близких, никому, даже чужому человеку. И нет на земле более важного, более ценного для тебя воспоминания – обретения собственного «я»... Потом приходят другие знания, другие мысли: мысли, что кто-то думает, действует, предугадывает каждый твой шаг. Но ты лишь сильнее сжимаешь в кулачке железную пуговку из ясельной группы – крошечную пищалку, без которой не ожил, не свистнул мягким розовым брюшком резиновый мишка...

Забирала меня из группы баба Паша. Я тут же убежал вперед. И запыхавшейся бабушке стоило больших усилий, чтобы догнать шустрого, несмышленого малыша, прячущегося за заборами и кустами, казавшейся такой большой и знакомой улицы Некрасова... Скоро воскресенье и бабушкины пироги. Пятилетним крохой, выхватывая из легкой цветной дымки стол, печь, кухню в старом карельском доме, я наблюдал, как раскатывает тесто баба Паша, как из муки, воды и огня рождается настоящее маленькое чудо – зятёвы пироги... В то время я величал их просто «пирожки с песочком». Ах, как долго я ждал появления с пышущей жаром плиты тонких поджаристых ломтиков сладкого теста! Как осторожно брал с голубого глубокого блюда хрупкие ломкие дольки. В месте неровного разлома содержимое горячих хрустящих пузырей шипело и булькало, плавилось и сочи-

иду навстречу одиночеству – вербному острову, затерявшемуся посредине заснеженной лесной ламбы. Загостившаяся стужа сковала ивовые кусты, защемила сердце, не пустила живительный сок навстречу скулому мартовскому солнцу.

Н а л о м а в хрупких ледяных веточек, поставлю их в банку, расштору кухонное окно!.. Исполнится радостью Душа, когда нежный весенний пух станет белее снега, и тонкие ветки коснуться мокрых соленых щек, и мне будет с Кем поговорить... В Вербное Воскресенье.

...Налетевший Северный ветер разыгрался, как ребенок с прошлогодней листвой! В едва проклюнувшейся траве прыгают яркие алые мячики – снегири. Засмотревшись на них, забыл о своей игре, ветер уронил листья в бурный ручей. Выпятил губы, захныкал, закружился в обиде на глупых птиц и дунул, что есть силы, в самую снегириную стаю. Полетели в белое небо легкие юркие птички.

Стало холодно. Пойду домой, отогрею над белым тетрадным листом озябшие руки...

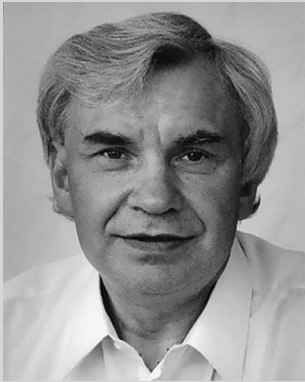
На майские праздники выпал снег. Обиделся на нашу землю Северный ветер. Чудак! Играть с юной липкой листвой, трепать первоцвет не менее интересно, чем студить лужи и поднимать в небо снежицей. Осади! Не гони на солнце снежные тучи! Дай земле проснуться...

лось сквозь пальцы на одежду, скатерть, жгло язык и золотило сердце... Бесподобное, вкусное, нежное воспоминание детства! – такое яркое и чистое, что некогда, некогда до сих пор отряхнуть рубашку от белых остывших струек песочной начинки...

А дорога от старых яслей оказалась такой короткой... Подслеповато вглядываются в пасмурное небо окна низких бревенчатых домов. Вот крыша заброшенной покосившейся избушки, когда-то охотники привезли сюда найденного в лесу медвежонка. Проходя мимо заросших крапивою дворов, я тщетно пытался найти остовы лавочек и клумб, которые подрывал в поисках пиратского клада детским совочком. Находил и приносил домой в спичечном коробке майского жука или пугливую гусеницу. Показывал бабушке и отпускал в придорожную траву... В детстве все было близко: жучки, паучки, травинки. Их было столько, что казалось из этих красивых, гладких, мохнатых, радужных живых существ состоит весь мир. Мне было бесконечно жаль бескрылой мухи, обезноженного паучка, недвижимой бабочки. И какое счастье охватывало меня, когда с ладони на соседний куст слетала божья коровка: «...лети-лети на небо, там твои детки кушают конфетки!» Не рань, не задень, не наступи... Недалеко от каменного огорода, где когда-то стоял бабушкин дом, дом моего детства, растет каштан. Потянувшись, достаю до ветки. Лист, похожий на след пеликана, ложится мне в руку. Неожиданный. Нежный. Каким-то чудом залетевший на наши севера. Лист на ладони. Как это много! Как много дали мне родители, бабушка, Кукковка! Улыбчивый папа, красивая мама – намного, намного моложе меня, сегодняшнего, сорокалетнего «увальня», – бесконечно добрая бабушка подарили мне детство. Добрые. Веселые. Любящие. Надеюсь, таким же надежным, таким же родным человеком являюсь и я для своего подрастающего сынишки. «Ты знаешь, папа, – заявил мне недавно сын, – я не хочу взрослеть, но все равно взрослою...» Да, сынок, так происходит. Так неизменно происходит с каждым пытливым мальчиком или смысленной девочкой. Ты растешь. Но вместе с тобой растут твои любовь и верность, отзывчивость и благородство, с каждым годом становится больше это сильное красивое чувство – чувство детства.

Олег МОШНИКОВ

Петр Антропов

По воле матушки Истории невольно являюсь зарубежным русским поэтом, поскольку родился и вырос в Латвии, правда, в семье русских староверов, которые сбежали сюда из России три века назад после Великого раскола.

Живу в Риге и преподаю в Балтийской международной академии.

Один из первых членов Международной ассоциации писателей и публицистов(МАПП), которая сейчас насчитывает более трех тысяч поэтов, писателей, публицистов из сорока стран, пишущих на русском языке.

Писать начал рано под влиянием поэзии Сергея Есенина. Исповедовал и исповедую принцип Льва Толстого, сказавшего «Можешь не писать, не пиши».Поэтому и теперь пишу, когда очень больно или когда очень радостно. Однако

второе случается крайне редко.

В Риге вышли в свет два сборника лирики «Я большой и капризный ребенок»(2005г.) и «Я последний романтик ушедшей эпохи»(2007г.).

Печатался в российских и международных сборниках поэзии «Планета поэтов», «Академия поэзии», «Славянские колокола»,в антологии «Русская поэзия Латгалии», альманахе «Поморский вестник» и других. Лауреат первого Всемирного поэтического марафона, организованного Международной ассоциацией писателей и публицистов.

Паруса были алые...

Ирине Вилюмовской

Паруса были
Алые, алые
И манили собой, как мечта.
Были мы молодые и шальные,
Не считали ни дни дни, ни года.
Жили мы и легко, и беспечно,
И бедою беда не была,
И любить обещали мы вечно,
Лишь бы только Ассоль позвала.
И куда это все подевалось,
Чем на рынке торгует Ассоль?
Почему не сбылось, отменялось,
А под сердцем колышется боль?
Знать, любовь понапрасну растратили,
Потеряли без веры мечту,
И надежда в застиранном платице,
Не смогла одолеть суету.
И теперь мы – седые, усталые,
Нас не радует прожитый день,
И теперь паруса обветшалые
Навевают печаль иль мигрень.
Но порою душа просыпается,
Мы с надеждой глядим в небеса –
Может, утром из дымки появятся
Снова алые,
Как заря, паруса.

Что мне сказать прославленным солдатам...

Я тоже дожил до седин,
И я родился в сорок пятом.
Был взят поверженный Берлин,
В пустых траншеях пахло мятой...
Но сколько не вернулось той весной,
И сколько пало в том же сорок пятом?
И было мне завещано судьбой
Жить за себя и за того солдата,
Который верил и мечтал,
Что будет жизнь привольна и прекрасна,
И за нее себя до капельки отдал...
А мы? Опять по-своему несчастны -
Его страну не сберегли,
Надежд солдат не оправдали
И стать сильнее не смогли,
И лучше, кажется, не стали.
А если вдруг
Случится с ними встреча наяву?
Что мне сказать прославленным солдатам?
Я столько лет безбоязно живу.
Они - убиты в сорок пятом...

Ну почему так мало Вероник...

Не все тогда «Распи!» кричали,
Когда Христос к Голгофе брел...
Но как помочь ему не знали,
А крест был дьявольски тяжел.
Струился пот, и кровь сочилась,
И было больно за Христа,
И Вероника вдруг решилась
Платком стереть кровиночки со лба.
Наверно, сердце подсказало
И одолела жалость страх...
В тот миг она святою стала,
Да и теперь на небесах.
Но лишь одна, одна из тысяч...
Ну почему, Господь,
Не учишь ты других
Чужую боль душою слышать?
Ну почему так мало Вероник?

Мы – русские

*Посвящается
Валентину Пикуюло*

Мы – русские,
И русскими мы будем,
Уж такова у нас судьба...
И мы Россию
Сердцем не забудем -
Она ведь наших предков родила.
Мы – русские
И говорим по-русски,
И ничего плохого в этом нет...
Да, не даем обидчикам мы спуску
И из того не делаем секрет.
Нас триста лет коробили татары,
С наскака брал Москву Наполеон,
Но не ушли они от русской кары -
Таков уж нашей вечности закон.
Не зря у нас
Любимую игрушку
Не Барби -
Встанькою зовут...
И мы еще не раз
Поднимемся, воспрянем,
Когда нас боги
В вечность позовут.

Я простой подорожник...

Я простой подорожник.
Рос в латгальской пыли.
Меня мяли колеса
И хлестали дожди.
Высоко не поднялся
И красиво не цвел.
Но зато не зазнался,
И людей не подвел.
И свой крест я не бросил,
Не сбежал под откос,
И целебные росы
Вам до сердца донес...
Я увяну безвестно,
Словно вовсе не жил...
Только помните честно:
Я собою вам раны лечил.

А ты спала...

Я для тебя помыл сегодня город
Неторопливым шелестом дождя.
Я им стучался в стекла твоих окон,
А ты спала... А ты спала...
Я заглянул проказником несмелым -
Там над тобою лилия цвела
И золото волос таинственно блестело,
А ты спала... А ты спала...
Я в душу заглянуть твою пытался -
Ну почему ты снова не пришла?
И, словно дождь, настойчиво стучался,
А ты спала... А ты спала...

Не любите меня,
Не любите,
Не любите меня на словах,
Только в сердце,
Как веру, храните,
Как травинку, на сонных губах.
Не любите меня,
Не любите
Даже в жар Валентинова дня,
Но когда вам безрадостно станет,
Как надежду,
Зовите меня.
Не любите меня,
Не любите,
Пока полон любви и огня,
Но когда вас любить перестану,
Разбудите
Любовью меня.

Фаина Осина

Закончила филологический факультет Уссурийского государственного педагогического института. В Латвии - с 1976 года, получила здесь второе образование – товароведа непродовольственных товаров, и вещный мир раздвинул горизонты мира вечного. Соредатор многонационального сборника «Дни поэзии», редактор «Провинциального альманаха HRONOS». Член Союза российских писателей, Союза писателей Латвии, Международной ассоциации писателей и публицистов. Автор семи поэтических книг, печаталась в многочисленных коллективных сборниках в Латвии и за рубежом.

Приходите жить не по средствам –
Будни нужды забудем,
Посмеёмся над буквоедством
Собственным. И не выйдем в люди.

Выпьем вина. Посолим
Исповедные наши дали.
На столе – винегрет с фасолью,
Груши-яблоки... Всё банально,

Кроме встречи стены с портретом. –
Это время следит за нами,
Что мы ищем, бродя по свету
Экцентрическими кругами.

Капли лун,
бугристая кора,
арочная изгородь живая,
перебор коленчатый двора,
в жёсткой шёрстке каменные сваи,

наши тени
в путище листвы...
Раздвоив немеренную тяжесть,
русло по порогам деловым
вытекло судами без поклажи.

Чтить закон,
входить да выходить
в водное безбрежье разноречья.
Винный привкус в реку жизни слить,
осознав, что возвращаться – нечем...

Галине Сергеевне

На окраине осени
весь в цвету бересклет.
Кто из нас фантазёр и поэт,
друг у друга не спросим.

В шепотне золотящихся россыпей
так блистать, майских яблонь светлей!
От предчувствия снежных полей
ухожу бересклетовой просекой.

В предпоследних лучах – бирюза.
Всё равно мне – цветы иль плоды
разукрасили куст. Время – дым,
научивший блаженству глаза.

Снегопад

Вытрясает подушки высь.
Может, наволочки прогнили?
Перья улицу наводнили,
не сберечь от них головы.

На перо наслоит перо
мир – картинка переводная.
Заровняет всё – не узнаю,
на какой мне ступить порог.

Тяжек шаг – эха легки края.
Проторённости шов белковый.
И раскованность, и подкова –
стих предписанный бытия.

Евгений Голубев

Родился я в Риге в 1950 году.

Являюсь редактором и составителем поэтического сборника «Свет негасимых звёзд»,автором трёх поэтических книг «Солнце в стогах», «Пульс памяти», «Осенние створы». Часть из них была опубликована в объёмном издании русских поэтов Латвии. Стихи для детей; и в дух иллюстрированных книжках «Стрекоза» и «Золотое лукошко» (последнее издано совместно с латышской детской поэтессой Л. Васараудзе на двух языках). Многочисленные публикации в журналах, альманахах Латвии и за её рубежом. С 2002 года – член Союза Писателей России, с 2003 года член Международной Ассоциации писателей и публицистов, с 2007 года руководитель Ассоциации творческой интеллигенции Даугавпилса «Дина-Арт», с 2008 года редактор ежемесячной литературной страницы газеты Динабург. России, живёт и работает в Даугавпилсе.

Ко мне в корзину залетел листок,
Случайный, на других похожий.
Вчера под вечер был багрян восток -
И этот лист в свой цвет окрасил тоже.
Лист средь грибов и ярок, и колюч,
Шероховатый и шороховатый.
Срезал его не нож, а тонкий луч.
Листок багряный - осени награда.
Полна корзина. Этот ценный груз
Несу, как годы, тяжело ступая.
Звенит вослед печально росный куст,
С паучьей нитки капли рассыная

Ещё тебя не все встречали птицы,
Высокие ветра не все звенели.
Мне до тебя бежать, не оступиться б,
Тянусь к тебе и становлюсь смелее.
Луна и Солнце - жизни половинки.
Волна и пламень - чья мольба нежнее?
Твой образ промелькнёт по глянцу
льдинки,
То вдруг в луче, скользящем вслед за
нею.
В походке, в голосе, в копне волос
янтарных,
В туманном шёпоте и шелесте истомы
Есть притяжение и нежности, и тайны,
Что и близки и трепетно искомь.

Горбатый лист - сухой, ползучий -
С асфальта соскребает шорох,
Потом на лесенке скрипучей,
Улиткой, где собратьев ворох,
Он затанцует ненадолго,
Чтоб в общей стае взмыт над кроной
Или зазубриною колкой
Пройтись по паутине сонной.
Нарушив росное сцепленье,
Первопричиной стать движенья
В природе, в нашей жизни брэнной -
До сути самовыраженья.

Был приказ всем писать
рапорта на Афган
для частей боевых, а штабные
подводили итоги, верстали свой план
и делили награды шальные.
Разнарядка на звёзды, БЗ, ордена
сверху вниз испускалась по блату,
а в свои жернова уж тащила война
мёртвой хваткой простого солдата.
Мне с усмешкой порой:»
Что ж не вырос в чинах,
посидел, облысел, одежонка помята?»
Не попал я в Афган - не моя в том вина,
но всегда я был русским солдатом.
Никого не виню. Я служил как и все -
От судьбы не бежал,
за спиной не топтался.
Двадцать лет я на взлётной
провёл полосе -
Был солдатом России - таким и остался

Ирина Мастерман

Мама

Заполярье. Воркутинский округ.
С полсотни кряжистых изб.
Материк у мужчин развивает сноровку
жить, где угодно; стиснув зубы, сносить тех,
кому гуманизм
кажется извращением или того вроде.

Терпеть тех, у кого в крови, в каждой поре
тлеет презрение к женщине. Тлеет за-
разным
повальным мором. Но! Все – или почти все –
способны жить там, где и оседлых-то нет.

Так и здесь. Народ кочевой.
Промышляет наездами. Мерзлота ведь.
Живут без затей: колючий забор, барач-
ный угол,
чуни собачьи, консервы, кукши керо-
синовой лампы.

Темя стола с разбухшей колодой карт,
слепыми конвертами, смиренно жду-
щими
вдохновения отправителя, захватанны-
ми стаканами
вместо стопок и..., и..., и свято чтимые
газеты.
Их берегут для растопки. Подобно
газетам,
неприкасаемы бивни моржа, китовый ус.
Вот, пожалуй, и все ценности.

Живут, привыкая к дракам и поножов-
щине,
как привыкли к трижды заношенному
белью.

Бренное тело и бессмертную душу
заливают водкой. Звереют. Клянут всех
под одну гребёнку, особенно женский пол.

Убогий быт пытаются скрасить раз-
ноголосицей
иллюстраций: магаданская знамени-
тость –
Вадим Козин, НЛЮ, солнце на копьях,
суриковский юродивый.

Затерянный мир, если бы не – уголь-
ные копи,
запоздалая телеграмма
и
в горячем угаре старатель, спрятав-
ший за
сургучной печатью губ: «Мама. Мама».

Галилей

*Затмение луны.
Затмение звезд.
И если не Библейская,
то чья она, спасительная темень?*

В начале были одиночество,
молчание и тьма.
И не было ни времени, ни слова.
Прислушайся к молчанию могил,
коснись сиротства гробового.

Но загодя до мирры и елея,
задолго до того, когда
глухонемая пала Галилея, –
одно из оных – первым
явилось слово.

А время мешкало.
В моем поселке говорят,
что дней у Бога много.
Бессмертному без надобности время.

И все ж оно,
ухмылкой метеора,
перечеркнув ученье Птолемея,
минуя церковь
и церковный баптистерий,
в одном местечке на наклонной башне,
утратило былую однородность.

Некто, преклонных лет, обыч-
но на рассвете,
чтобы не ставили препоны ротозей,
святая инквизиция и дети,
тревожа тишину надсадным кашлем,
в просторных башмаках
стоял на верхнем ярусе

Пизанской башни.
Его не волновали арки, капители,
тем более колонны, тронутые креном.

Волнительнее –
бросить с колокольни груз,
важнее – уловить свободное паденье,
и,
считая пульс,
взлелеять наконец закономерность.
Попутно расщепляя время.
Потомки и ученики
почтенного именовали Галилеем.

Владимир Таблер (1957 – 2010)

* * *

Июль. Жара. Не продохнуть.
Свернуться в кокон. Выждать. Выжить.
И время, словно губку, выжать
до свежести какой-нибудь.
Пот каплет с лип, стекает с лиц.
Сам, как в руке леденчик, липок.
Влачишь себя среди улыбок
мальчишек и отроковиц.
Они еще в другой среде,
легки, как в омуте плотвички.
И радужны их роговички.
И смех – как блики по воде.
А ты, скребущий свой сусек,
насущенный хлеб соображая, –
всего лишь выгнанный из рая
угрюмый потный человек.

* * *

Ведь это точно когда-то было...
Рисунок серый – в карандаше...
Утла подвода, худа кобыла –
в тумана кашице, густыше.
В телеге той я лежал, колышим,
в сенные вдавленный вороха,
осенним паром, в жавель закисшим,
забит по самые потроха.
Возница – дедушка однорукий-
спокойно правил сквозь ветровал,
он был недвижимый и беззвукный –
клубы табачные выдувал.
Плыл скрип колес, тишину тревожа,
тягуче-медленно, как в клею,
и дым с туманом по конской коже
стекали в черную колею.
Так мы катили, не шибко ходко
(для нашей клячи – во весь опор)...
Я думал: «Дедушке надо б лодку,
а мне, любезному, – в рот обол».
И вспоминался недавний сон мой –
душа болела во сне, хоть в крик.
И шли ко мне эскулапов сонмы,
и говорили, что ей кирдык...

Заговорил, наконец, возница:
-Ты разумеешь,-сказал,-сыннок,
бывает у сырасць такую сница –
саднит клешня-то, помилуй бог.
Ага, отрезанная зараза
во сне-та ёсць она и болит.
Я, мол, до фельшера ён адразу-
атрит гаворыць ци ангидрит.
Гадоу пятнацать руки не маю.
Не смог бы мабуць с двумя ужой...

Я понимаю, дед, понимаю.
Похоже, как у меня с душой...

Поговорили мы, замолчали.
За нами двигались в молоке
фантомы боли, мечты, печали
к тому кордону и к той реке...

Таисия Ковригина

Памяти Володи Таблера

Вопреки глаголам – более нет наклонений
о тебе и к тебе говорить, но
лангольеры должны быть,
пусть всего на одно,
обмануты, а иначе –

зачем же стихотворенье?
Дело за многим: найти лазейку, узкоко-
лейку, окольный путь –
я с того возгласа, ртутного, не вдохнуть.

Ты кажешься светлым голубем,
взлетающим над собой.
Ангелом, не отражая свет...
Бодрым облаком, обогнавшим
свой след земной.
Летним ветром над рябью озерных лет.
Если любím вошел: в не́боль,
мой бог гобоя,
разве возьмусь понять:
смерть – это что такое?

Открытка из Туниса

Ирине Мастерман

Эль-Джем. На колизей обрушен дождь
пародией античной канонады,
разрушившей значительную часть.
Турист
приобретает зонтик,
отбиваясь
от местных, предлагающих купить
к зонту в добавок: карту, плащ, платок,
кальян, тарелку, мыло, бусы, меч...
Цена в геометрической прогрессии
снижается
по мере
того, как
покупатель
отходит от
прилавка,
махнув рукой,
спеша запечатлеть
развалины, где римские владыки
сражали гладиаторов и львов.

Над зрелищами
знать перемещалась
по эллипсу амфитеатра, что-бы
солнце не слепило ей глаза.
И так, меняя место,
она всегда показывала время
кому-нибудь, смотрящему с небес.
А чернь кричала: panem et circenses!

Подумаешь – огромные часы
со стертým циферблатом, странной
стрелкой
экскурсовода: этот колизей,
крупнейший после Рима, был построен
за триста лет до Рождества Христова.
Позднее здесь был форт. (Совсем не-
давно
здесь был Андрей – есть запись на
стене.)

Кто умерли, те умерли давно.
Их косточки хранятся по музеям.
А средиземноморские дожди
пустые заливают подземелья.

Событие

Творческий вечер Татьяны Рускуле

В понедельник, 12 июля, в культурно -
музейном центре города Костомукши состоялся
творческий вечер Татьяны Рускуле - представи-
теля газеты «ПИ 1» в Латвии. Сразу же следует
отметить, что на этом вечере присутствовали
еще представители нашей газеты на Украине, в
Кривом Роге - это Аза Лозовская и представи-
тель «ПИ 1» в Кариели от города Костомукши
Татьяна Вьюжная.

Во вступительном слове ведущий вечера
- Сергей Пашков представил костомукшским
авторам и читателям Татьяну Рускуле. Коротко
рассказал о большой, проделанной ею работе
за короткий период представительства. Так, в
частности, все прибалтийские авторы, вошед-
шие в этот номер были привлечены ею. Татьяна
договорилась об открытии представительства
нашего издания в Санкт - Петербурге, где газету
«ПИ 1» будет представлять прекрасный творче-
ский человек Феликс Дымов.

В программе своего выступления Татъя-
на Рускуле представляла русскоязычное твор-
чество в Латвии и продемонстрировала печат-
ные издания, которые там выходят. Это прежде
всего литературно - художественный и позна-
вательный журнал «РУСЛЮ», провинциальный
альманах «Хронос»,издание DZEJAS DIENAS.
Татьяна рассказала о многих писателях не толь-
ко Латвии, но и Прибалтики, также рассказала
об удивительном писателе из Санкт - Петербур-
га Феликсе Дымове. Затем она перешла к свое-
му творчеству и представила свою авторскую
книжку «По улицам расхлестанных дождей»,
прекрасно прочитав из нее одноименное сти-
хотворение. Когда Татьяна прочла из своей под-
борки еще пару стихов, её попросили расска-
зать о том, как приходит эта потребность к ней в
творческом выражении и как она стала доволь-
но заметной поэтессой для композиторов. Та-
тьяна рассказала, то творчество графоманское,
что есть некая потребность писать несерьезные
вещи, ниогда не переходит в прекрасное и му-
дрое творчество. Серьезное творчество идущее
от душевного переживания, профессиональное
и в тоже время оригинальное не каждому дает-
ся даже профессиональному словеснику. Лично
она может сказать, что серьёзным творчеством
она занимается всего два года. Однако за эти
два года она действительно стала заметной не
только в писательской среде Прибалтики, но к
её творчеству стали обращаться композиторы
из Москвы и других регионов России. Татьяна
дала возможность прослушать песни на её сти-
хи, от лирических романсов до детских песен.

Затем Татьяна Рускуле с удовольствием
пригласила выступить костомукшских авторов,
но предупредила, что сразу же будет давать
оценку их творчеству с готовностью к серьез-
ной дискуссии.

Из костомукшских авторов выступили:
Татьяна Вьюжная, Лена Пархоменко, Аня Вла-
сенко, Валентина Смирнова, Галина Ершова.

Каждый услышал от Татьяны Рускуле как
замечания, так и похвалу.

Мне, как ведущему этого вечера, было ин-
тересно, сумеет ли Татьяна Рускуле донести до
костомукшских авторов именно непредвзятые
суждения, так сказать, стороннего человека.

Могу от всего сердца поблагодарить Та-
тьяну Рускуле с прекрасным проведением ве-
чера, за её откровенные оценки, как местным
авторам, так и самой газете «ПИ 1», за её пре-
красные стихи и рассказ о творческих людях и
многое другое.

Благодарим администрацию К.М.Ц. за
возможность проведения такого вечера и на-
деемся, что возможно в будущем такие вечера
будут проводиться и в дальнейшем.

Ведущий вечера Сергей Пашков

США

Нина Большакова

Представитель газеты «ПИ1» в США

- Смотри, Женька, чего мне папа купил! - и Мона подняла ногу прямо к Женькиным глазам.

- Новые башмачки, синие, и со шнурками!

- Да ты шнурки-то не умеешь завязывать, будешь все время наступать и падать, - сказал Женька.

- Да ладно тебе, это ты от зависти, не страдай, твой отец придет и привезет тебе тоже подарки, - Мона завязала шнурки на бантик и запрыгала, заплясала от удовольствия.

- Когда он еще придет, - заныл Женька.

- Скоро-скоро, вот увидишь, и привезет тебе целый чемодан всяких подарков! - ликовала Мона, - а падать я так и так падаю, от шнурков это не зависит!

- Бабка говорит, он только песни зевать умеет, а денег не зарабатывает, у него не на что мне подарки покупать, - продолжал ныть Женька.

- А мама говорит, что это не правда, дядя Миша хороший, просто его из армии выгнали и он ищет место, а как найдет хорошее место, так и будут тебе подарки, вот увидишь! - смеялась и плясала Мона.

Ах, какие замечательные башмачки, так и несут, так и пляшут, носочки круглые, а шнурки шелковые, и три дырочки на маленьких ушках, и легкие, ну просто ничего не весят! Кому бы их показать? Мона выбежала-выплясала в зал. Там за печкой на узкой железной кровати лежал - спал дед. Мона подскочила, начала его тормошить:

- Дед, гляди, чего мне папа купил! Да проснись, хватит спать, так и царствие небесное проспать можно!

- Не повторяй за бабкой ерунду всякую, азбуку не выучишь никак, мать вчера жаловалась, а чего не надо так репетуешь, - дед ворчал и кряхтел, и просыпался, и спускал ноги с кровати, и гладил Мону корявой рукой по голове.

- Ну покажь, чего он тебе купил. - Мона подскочила и сунула ногу деду под нос. - Да полегче ты, последние зубы вынесешь, от деточки! А чего, хорошие башмаки, крепкие и на шнурках, носи на здоровье. Оно, конешное дело, ботинки-то лучше бы, да и эти хороши.

- Да ну, ботинки, скажешь тоже! Гляди, дед, как они пляшут, - крутилась и плясала Мона, - ну сами собой, как Емелина печка! Завтра в сад пойду, так обую, пускай все видят!

- У матери спроси, сама не командуй, - ворчал дед, но Мона не слушала.

Она торопилась во двор, показать обновку соседям, Тамаре-татарке и Таньке Кошелевой. С высоты крыльца было видно Тамарин дом и крыльцо, двор и сад. Тамары нигде не видать, но дверь на крыльце открыта, значит дома. Мона пролезла через дырку в заборе и побежала в дом.

Танцуй, папа!

Крыльцо было высокое и очень крутое, но Мона даже не заметила, как влетела в сени и открыла дверь в жилое. Зал у Тамары был большой и светлый, в нише у стены направо лежали стопой ватные одеяла, рядом - подушки горой. На чистом выскобленном полу лежали широкие домотканые дорожки в полоску, и стояли деревянные лавки, а больше никакой мебели у Тамарки в зале и не было.

- Просторно живут, - в который раз подумала Мона, - а где же Тамарка?

- А знаю где, вон она в спальне смеется. Пойти, что ли, или ладно уж?

Бежать что-то уже не бежалось, но Мона все-таки подошла к спальне и заглянула за занавеску. Полог был открыт, и ей увиделась гора каких-то тряпок на пышной Тамаркиной постели, заваленной подушками в разноцветных ситцевых наволочках. Но тут гора завозилась и засмеялась, и всплеснула голыми белыми руками, и стала видна Тамаркина голова, торчащая из подушек, а больше от Тамарки ничего видно не было. Это потому, что на ней лежал какой-то незнакомый Моне мужик, не Тамаркин злющий муж, а совсем другой веселый дядька. Он лежал в постели одетый и даже в сапогах, но чистюха Тамарка почему-то совсем на него не сердилась, а совсем даже весело смеялась. Мону они не видели и хихикали, и барахтались в пестрых перинах и подушках, как маленькие.

- Вот дура Тамарка, - подумала Мона, - взрослые барахтаются в постели ночью, когда дети притворяются, что спят, а она все перепутала. И дядьку этого я не знаю, а он в сапогах в постель залез. Не буду показывать ей мои чудесные башмачки, ну ее ко псам, - и Мона развернулась, вышла во двор и села на колоду, переживая.

Однако долго переживать не получилось, потому что дул легкий ветерок, и на деревьях шелестели новенькие, недавно выплывшиеся листочки, и майские жуки летали с ветки на ветку, и башмачки не хотели сидеть на месте. Им хотелось прыгать и плясать, и вообще показываться.

- Пойду-ка я к Таньке Кошелевой, - решила Мона. И башмачки побежали вперед нее, и запрыгали, и заплясали, и зарадовались обратно. Ах, какие замечательные это были башмачки!

Мона вышла с Тамаркиного двора на улицу и пошла направо, мимо своего старого дома к новенькому кошелевскому.

Танькин дом был высокий, с полуподвалом, обшитый новенькой дранкой. Во дворе и ступить было негде, все свободное пространство занимали ровные посадки крыжовника и помидор, и еще чего-то, чего Мона не знала, как называется. Идти надо было по узким дорожкам и очень аккуратно, никак нельзя было оступиться и попасть на грядку. Мона сидела на ступеньке лестницы, ведущей на крышу сарая. На коленях у нее лежал маленький белый кролик, такой хорошенький! У Кошелевых было много кроликов, и иногда Танька давала Моне погладить кого-нибудь из них. Кролики были такие мягонькие, такие славные, так смотрели маленькими глазками на Мону, что хотелось их всех забрать от Таньки и отпустить гулять!

- Что это ты, Танька, делаешь? - спросила Мона.

- Не видишь, што ли? Кролика щиплю! - ответила Танька.

- Как это, щипаешь, зачем? Ему же больно! Сейчас же перестань, - рассердилась Мона.

- Счас, разбежалась! Дура ты, Мона. Кролик этот пуховый, я его вычесываю, а потом пух выщипываю. Наберу много пуха, мать мне кофту свяжет, пуховую, поняла! Ничего

ему не больно, на то он и кролик. А чего это ты у Тамарки-татарки во дворе скакала? - говорила Танька и продолжала щипать кролика. Кролик сидел у Таньки в коленях так тихо, как не живой, даже глаза закрыл.

- Мне папа купил новые башмачки, вот смотри, - печально сказала Мона и выставила правую ногу вперед.

- А, понятно, то-то ты скакала, как чокнутая. Мать говорит, у вас, у образованных, не поймешь, то ли вы Семеновну пляшете, то ли Семь-Сорок. Подумаешь, башмаки! Мать продаст шкурки и купит мне все новое: и ботинки, и платье, и шапку на зиму, все, поняла?!

- Какие шкурки? - спросила Мона.

- Да вон же, на сарае на распалках сушатся навыворот, кролячьи, не видишь, что ли? - и Танька продолжала щипать кролика. Мона посмотрела - на крыше сарая на деревянных крестовинах стояли как будто смятые желтоватые картонки с красно-бурыми подтеками.

- Как это - кроличьи? А как же кролики? - ужаснулась Мона.

- А кроликов мать каких на базар снесла, а каких засолила и в погреб на лед положила, будет мясо на зиму, - и Танька продолжала щипать кролика.

- Так вы что, их всех убили? - тихо, шепотом спросила Мона.

- А чего их там убивать-то? Головой об колоду и всех делов! А чего на них смотреть, на то они и кролики, - и Танька слезла с лестницы и сунула кролика в клетку, и засунула пух в холщовый мешок. Кролик посидел, открыл глаза и посмотрел на Мону.

- Я пойду, Танька, мне домой надо, - Мона развернулась и пошла прочь с кошелевского двора, Танька что-то еще говорила ей вслед, но Мона не слушала, надо было поскорей уйти, а дорожки были такие узкие, и нельзя было оступиться.

На улице по песку идти было трудно, но все же уже полегче. Дома никого не было, только в зале у окна стоял папа и смотрел на улицу. Мона подошла к папе и молча прижалась к его ноге.

- Чего ты, Мона, - спросил папа и погладил ее по голове. - Что-то случилось?

По радио играла красивая музыка, под нее можно бы было танцевать, но Мона не знала, как.

- Что это играют, папа? - спросила Мона.

- Это вальс, Мона, такой танец, очень красивый, - ответил папа.

- Папа, научи меня танцевать вальс, - попросила Мона и взяла отца за руку.

- Вальс - это очень легко, ты сразу научишься, - сказал папа и наклонился, и поднял Мону на руки. Он посадил Мону на правую руку, и она положила левую руку ему на правое плечо, и он взял ее левой рукой за правую руку, и отставил соединенные руки в сторону и вверх, и начал скользить по полу, и кружиться под музыку.

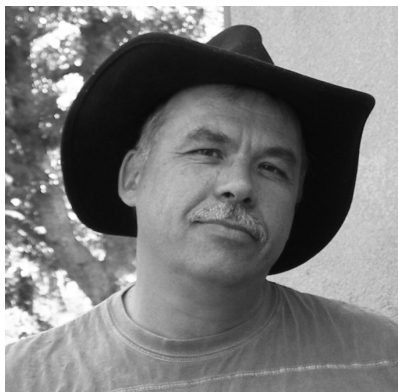
- И раз, и два, и три шага вперед, правая нога вперед, левая за ней, и раз, и два, и три, поворот, - приговаривал папа и двигался по комнате вместе с музыкой, и Мона двигалась вместе с ними, - спину надо держать прямо и смотреть в глаза партнеру, и раз, и два, и три, поворот!

Мона смотрела папе в глаза и танцевала, и его легкие светлые волосы, зачесанные назад, спадали на лоб с высокими залысинами, и они прямо держали спины, и смеялись, смеялись!

- Знаешь, папа, я не ем кроликов, - сказала Мона.

- И не надо, - сказал папа, - о чем это ты? Давай танцевать!

- Давай, - сказала Мона. - Танцуй, папа!

Дитрих Липатс

*Это для больно умных,
можно и пропустить.*

Ницше очень просто описал, как стать писателем. Путешествия, наблюдения, собиравшие анекдоты и рассказывание их на публике с внимательным слежением за реакцией слушателей, дадут точное понимание того, что вам, как повествователю, удастся, а что нет. Если же к тому же у пишущего хватит мудрости не браться за многостраничные романы, а работать только в коротком рассказе, глядишь лет через десять и получится из него писатель.

Как все просто! Это же обыкновенный переход из количества в качество. Ницше, как все мудрецы высказал то, что всем давно известно. А я, принадлежа к подаляемому числу дураков, прочел этот умный совет совсем недавно. После Литературного института, я упорно пытался писать романы. Они выходили у меня длинные и недоконченные, они оседали в ящиках стола и стигались материалом для будущих моих эпосов. Я жил в Америке и писал на английском. Один роман был издан и почти никем не замечен. Другой толстенный роман, я и издавать не стал.

В моем городе, в Талсе, штат Оклахома, проживает еще один русский писатель: Евгений Евтушенко. Раз он взялся прочитать 30 страниц моей прозы, и посоветовал мне заняться чем-либо другим. "Карьеры в литературе вы, Дитрих, не сделаете. Вам 40 лет, середина жизни, займитесь лучше чем-нибудь другим." Совет был дельный. Учительство в школе я в то время совсем забросил, оно мешало мне присать толстые романы, и главный мой заработок составляли чаевые, что я собирал развозя пищу. Все еще находясь в том же соннице дураков, я словам тем только обиделся. Прошло еще десять лет пока я наконец-то не стал прислушиваться к мудрым советам. Эти строчки - первые после многолетнего перевыва. За эти десять лет я писал только стихи к картинам моей жены Ольги - они привлекали внимание и помогали продать, мы построили в Америке дом, и завели свой собственный бизнес по перевозке грузов. Сказать проще, мы с Ольгой ко всему прочему стали еще и американскими дальнобойщиками. Мы купили огромный грузовик с прицепом-холодильником и возим капусту и морковку из Калифорнии в Массачусетс, а оттуда, что придется опять в Калифорнию. За месяц мы проезжаем до двадцати тысяч миль, выполняя первое требование мудреца Ницше. Про все про это я еще расскажу, а пока позвольте про иное. Что, умные уже меня подловили? Да я и сам признаюсь. Про немногих мудрецов, веками говорящих одни и те же истины, и множестве дураков, дружно их не слушающих, писал, конечно-же Шопенгауэр, я просто и не взялся бы никогда выразить это лучше. Зачем? Он - Шопенгауэр, а я так, писать зашел. Кстати, великолепный анекдот. Потом обязательно расскажу.

Читайте рассказ на след. стр.

Иди туда, где деньги лежат

Все это было давным-давно, на другом конце света, в стране, которой больше нет. Теперь же мы уже пятнадцать лет живем в Америке, у нас выросли свои дети, у них свои любимые анекдоты. Мы стараемся удерживать их в русской культуре, и они говорят с нами на смешном русском, но читать по-русски не умеют, и в этом самый и есть трагично-анекдот. Мы не настаиваем, научиться читать легко, тем более, когда за спиной уже и колледж. Надо будет - читают. И как же завидуем мы им, что откроют они своих Достоевских и Пушкиных в зрелом возрасте. Сложную русскую культуру мы стараемся удержать в них анекдотом, особенно трудно переводимым на английский. Они смеются, значит не все потеряно

Ворона летит над пустыней. Видит, идет верблюд. Ворона ему кричит (базарный тон, украинское фрикативное Г) – Эй, горбатый, чё у вас тут, гололед? - Нет, матушка, сама видишь – жара. - Так чяго ж у вас тут все пяском засыпано?

Это нам было очень смешно, а вот когда рассказал по телефону я этот анекдот своему приятелю в России, тот заметил, что с юмором у нас тут, в Амрике, совсем плохо. Зато ему, как впрочем и нам всем, понравилась другая история:

Пришла к Вовочке девочка. Зашла в ванную, выходит и говорит. Как мне у вас нравится, все у вас на месте, все так организованно. На одном полотенце написано М, на другом Ж. М, я полагаю, для мальчиков, ну а Ж – для женщин. Я ведь женщина, я вытерлась тем, на котором Ж.

М – значит морда. Ответил негодяй Вовочка.

Хотя и с лингвистической окраской, но плоский, конечно, анекдот. А мы – хохочем. Со всем нашим образованием и утонченностью хохочем. Наше нутро хохочет. Наше подсознание, наша шоренгауровская воля, наше фрейдовское иго распознано двойной смысл – необходимое условие анекдота и – хохочет на досаду всей нашей морали.

Впрочем, на кой черт нам в Америке вся эта русская интеллигентность? Шубу из нее не сошьешь, дом не построишь, чека за нее не дадут. Особенно у нас, на среднем западе. За мой роман о русских интеллектуалах, вышедший отдельной книжкой несколько лет назад, я едва ли собрал 200 долларов. Здесь, в Америке, надо дело делать. Многие я тут перепробовал, даже недвижимостью торговал, чужой, конечно, а вот по-настоящему только сейчас зажил. Теперь мы свободны, мы едем куда хотим, мы не жмемся в магазинах, мы отдыхаем то в Калифорнии, то во Флориде, мы с женой – американские водители-дальнобойщики. У нас собственный трак с прицепом-холодильником величиной с вагон, свой бизнес, свой риск.

Все это случилось не сразу. А зря. Зря я потратил столько лет в Америке, сочиняя романы. А может и не зря. В Божьем мире зря ничего не бывает. Всему свое время. Как большинство дураков, что не слушает мудрецов, я все копал не там, где надо. И только однажды меня проняло. Какой-то мужик по радио несколько раз повторил: “Go where the money is!” Мол, иди туда, где деньги лежат. Я слушал вполуха, а он опять: Go where the money is! Я усмехнулся, а он опять: “I’ll tell once again for all those idiots who do not listen: Go where the money is!” Скажу еще раз для идиотов, что слушать не хотят. Иди туда, где деньги лежат!

То была одна из передач, что учат, как заработать. Я им не очень-то верил, но это повторение меня проняло. А ведь правда, чем я, дурак, занимаюсь? Из учителей уж месяц как со скандалом ушел. Мое новое занятие по продаже русских химикатов дохода не приносило. На русской стороне только болтали, накаких химикатов не поставляли. Целыми днями я сидел и точил из твердого воска кольца, что потом отливал в серебре и отдавал Ольге, которая доводила их до продажного вида. Вместе с ее живописью те кольца продавались на интернете и приносили хрощо, если сто долларов в день.

Я понял – хватит. Ведь построили же мы своими силами сами себе дом, неужели не понять мне собственного настоящего дела?

И тут помог анекдот. Мужик, что мне его рассказал уверял, что это - настоящая правдивая история, и не верить не было оснований. Звали мужика Александр, был он кудряв, мордат и в меру пугат. Короче, дай ему выпить и сунь в руки гармошку – вылитый заводила на свадьбе. Он приехал ко мне с Мишей, моим другом, что помог нам построить дом. Приехали они на рыбалку – озеро от меня в трех минутах ходьбы. Спустился на берег и лови сомов да окуней. Вокруг все частная собственность, чужим тут быть не положено. Соседи увидят – полицию позовут. Когда приезжают ко мне друзья, я провожаю их до берега, сам иду домой. Я ловлю рыбу в одиночку. Природу люблю - не кампанию.

Пока спускались к берегу по шуршащей опавшей листве, говорили про рыбалку. Саша рассказывал:

А мы вот раз, еще в Вашингтоне я жил, в Сизтле, собрались сомов ловить. Один говорит надо на куренка слегка поджаренного. Ну мы куренков тех наготовили, половинки, и поеха-

ли вечером. А погода не очень. Хмурь, ветер свищет. Там протока от озера. С виду место, что надо. Ну мы разложились, куренка на тройник насадили, удочка у нас морская, приятель мой мастер был закидывать. Размахнулся, и улетел куренок куда-то там далеко. Мы из-за ветра и всплеска не слышали. Ставим другую снасть. Вдруг на куренке как дергать начать! Мама моя! Чуть удочку не вырвало. Я тащить. Упирается, зараза, здоровый сом сидит. Лесу травить приходится. Короче, то я то приятель мой, тащим. Так минут с пять прошло, еле подтянули. Он уж в воду по пояс зашел подсачек наготове, и вдруг мы чуть не упали. Смотрим чудище какое-то в шерсти. Увидело берег, как выскочит. Оказалось – собака. Куренок-то на другой берег улетел, мы и не поняли, а там тот пес и гулял.

Вот, как говорится, и смех и грех.

Я в тот раз домой от них так и не ушел. Было ветрено, клевало не очень, двое других наших друзей со своими спиннингами разбрелись в стороны, а я все слушал Сашины байки. Когда-то жили они с женой где-то на юге России. Тесть его оказался мужиком мудрым. Под условие, что молодые будут его во всем слушать, ссудил им 18 тысяч на покупку дома с участком и наказал сажать цветы, что, правда, оказались такими прибыльными, что через два года молодые не только вернули долг, но и обзавелись новенькими Жигулями-шестеркой. Продав цветы, они летали по окрестным сельским магазинам, где знакомые продавцы отставляли им всякий дефицит. Набирали шмотья, портативных швейных машинок, магнитол, всякого деликатеса в консервах и развозили всю эту хрень по толкучкам, где поджидали их уж знакомые спекулянты. Да еще кормили леса. На одних ландышах зарабатывали немерено.

Я только дивился, слушая и вспоминая мою разбеднейшую жизнь. В те же самые годы, на свой журналистский заработок я едва мог прокормить семью. С двумя малыми детьми мы жили в коммуналке на Красной Пресне и только мечтали о лучшем.

Ни в какую Америку Саша с женой и думать не хотели уезжать, но пришли уже два вызова от братьев жены, беженцев пятидесятников, осевших в Орегоне, утягивались потихоньку за океан родственники, и пришел наконец третий вызов с грозным пояснением, что это уж - последний, больше вызывать их не разрешат. Да ладно, - решили удачливые молодые, - от судьбы не уйдешь. Глядишь - не пропадем.

«Но, я тебе скажу, - продолжал Саша, - если б я там работал, сколько работаю здесь, я б давно уж миллионером был.»

Миллионером Саша, правда, не стал. Но купил себе громадный дом, что далеко не всякий американец может себе позволить, обзавелся обстановкой, автомобилями для всех своих взрослых дамочацдев, их у него целых шесть, деньгами на черный день. Словом, не пропал.

И все это - работая водителем-дальнобойщиком. Конечно, я почесал в голове и подумал: «Так вот, оказывается, где деньги лежат.»

- Иди сама в восьмой, я тут у них самый умный.

Над этой фразой, концом хорошего анекдота, великолепно сыграного в журнале «Ералаш» я часто похохотываю. Тем, кто не видел, или забыл, напомним.

В третьем классе идет урок математики. На последней парте сидит хулиганистый детина и на все вопросы молодойенькой учительницы выкрикивает правильные ответы. Открывается дверь появляется девочка в белом передничке и говорит: «Иванов (кажется так его звали), ты что в третьем классе делаешь? Ты же в восьмом, иди в свой класс.»

«Сاما иди в восьмой, - отвечает детина - Я тут у них самый умный.»

Теперь, спустя года три с того разговора с моим новым приятелем-тракистом, мне самому так хорошо в третьем классе. Наверное, среди водителей, ведущих свой бизнес, найдутся и поумней меня, но и у меня тут неплохо идут дела, и меня здесь неплохо кормят. Смело могу сказать: я тут удачливее многих потому, что я путешествую по дорогам не один, а с любимой женой. В нашей объемистой кабине есть все, начиная с холодильника и телевизора, кончая целой кухней. Размышляя над чем-нибудь, я страшно люблю готовить, и пока Ольга, подложив за спину удобную подушку ведет наш восемнадцатиколесный гигант, я исхитряюсь стряпать пироги, варить борщи, печь печенье. И все это на ходу, с песней веселой. Чем не жизнь? Сегодня мы грузимся клубникой на самом берегу Тихого Океана, через три дня будем разгружаться на берегу Атлантики, в Новой Англии. Что? Суббота? Трудно найти груз вернуться домой? И пусть его! Припаркуем трак, возьмем напрокат машину и пойдем гулять по Бостону. Зайдем в музей, увидим Дега и Ренуара, потом прокатимся на парусной яхте, а то просто покатаемся вдоль берегов. Будем собирать ракушки, что подклеим потом вместе с фотками в альбом, пообедаем в маленьком ресторанчике, поглазем на океанскую ширь. Эх! Продли, Господи, счастливые дни наши! Как хорошо в третьем классе!

Дмитрий ЛИПАТС

Женя Павловская

Я родилась в прошлом тысячелетии (страшно подумать) в городе Горьком, утратившем это имя, в СССР — стране, которой нынче нет. Училась в Горьковском университете, в Москве и в Ленинграде, который тоже поменял имя.

Будучи по образованию химиком, писала стихи, рассказы, фельетоны (что для химика нехарактерно). В разные годы печаталась в городской газете, в «Крокодиле», в «Театральной Жизни» в «Новом Русском Слове», в «Панораме», еще где-то... Живя в России, преподавала химию в политехническом институте.

Посидела с семьей восемь лет в «отказе» — бесценный опыт борьбы и выживания.

На пустом месте создала журнал «Бостон-Русский Бюллетень» и шестнадцать лет растила и лелеяла это, набирающее вес, дитя.

В промежутке между этими занятиями издала четыре книжки.

Чем горжусь: со Львом Николаевичем Толстым меня роднит неприятие оперы, с Мариной Цветаевой — злоупотребление тире, с Чеховым — отсутствие пафоса, с Софи Лорен — умение стряпать, и, наконец, с М. Горьким — место рождения.

Со всеми вами меня роднит редкостное совпадение — мы современники.

Как мужик стресс победил

У одного американского мужика, представителя среднего класса, была жена Кэролайн, дом, работа и стресс. Нормальный набор. Про жену, дом и работу он знал давно, а про стресс ему недавно доктор сказал, когда он ходил холестерол и мочу на всякий случай проверить. Мол, холестерол и моча у вас, мистер Шеннон, соответствуют самому правильному в мире американскому стандарту, а вот стресс в вас несомненно завелся, так как вы при мне целый один раз на часы посмотрели, два раза пригладили причёску, хоть, по сути дела, на вашей лысине причёске никакой не удержаться. Согну, конечно, но я, как врач, обязан быть объективным. И улыбка у вас в два с четвертью раз уже, чем это рекомендовано и одобрено американской медициной. А всё это оттого, что вы предъявляете к себе завышенные требования и стараетесь успеть сделать многое в короткий промежуток времени.

— Как же мне быть, доктор? — заволовновался мистер Шеннон, еще раз погладил лысину, взглянул на часы и криво улыбнулся, полностью подтвердив этим диагноз.

— Планируйте свою жизнь так, чтобы между каждым вашим действием оставался промежуток времени в пятнадцать минут. Оставляйте свои наручные часы дома. Пытайтесь есть и разговаривать медленно, — сказал доктор, по-кошачьи почесал за ухом, посмотрел на часы и заерзал на стуле, — а также постоянно улыбайтесь и находите время для маленьких радостей. Нюхайте розы... Визит окончен. Следующая наша встреча в среду, в девять утра, тем более, что ваша страховка это оплачивает.

Мужик этот, мистер Шеннон, был исполнительным. Назавтра встал, надел один носок, а второй спланировал надеть через пятнадцать минут. Потом стал планировать натянуть джинсы. Но со временем перепланировал и достал брюки. Подождал ещё пятнадцать минут (тут уж пришлось посмотреть на часы) и начал планировать надеть рубашку.

— Дэвид, быстренько в душ! Кофе и омлет на столе, поторопись, — кричит жена Кэролайн. А мужик всерьез решил стресс лечить, поэтому отвечает через пятнадцать минут. Медленно и, постоянно улыбаясь: «О-о-о — ке-е-й! — То есть, ладно-ладно, успокойся, не горит.

Отправился на работу в фирму. По пути, как рекомендовано, останавливался на лужайках перед домами и нюхал различные растения, отдавая предпочтение розам. Его облаивали собаки за нарушение границ частных владений, а одна пожилая леди грозила кулаком и посулила вызвать полицию. Мистер Шеннон спланировал не обращать внимания. Здоровье дороже.

На работу опоздал, но часы-то, как велел доктор, оставил дома — вот и не нервничал нисколько. Ну его, этот стресс, в болото!

Пусть босс нервничает!

Босс так и сделал.

— Мистер Шеннон, это... это невероятно, это ужасно! Вы опоздали на встречу с важным клиентом на сорок три минуты! Вы, надеюсь, хорошо понимаете что это такое? Фирма потеряла заказчика! Мы понесли серьезные убытки! Да-да, убытки! — и аж весь зашёлся, глаза скосил, щеки трясутся, слюна брызжет, зоб надулся, коленкой дрыгает.

— Это моя ма-а-аленькая радость, — медленно, как учили, ответил Шеннон и светло улыбнулся.

Тут босс пошёл крупными бордовыми пятнами по зеленому фону и злобно уволил мужика по его, босса, собственному желанию. Проявил, акула пятнистая, власть капитала и полное отсутствие заботы о простом человеке-труженике. Но мистер Шеннон родился и вырос в социально терпимом американском обществе, поэтому он такими словами про это не подумал, а подумал другими, которые я привести не решаюсь, потому что их могут прочесть и запомнить дети и молодые девушки.

В среду к доктору он не пошел, а прямоком двинулся на курсы, рекламу которых под названием «Посмотри на себя изнутри» вычитал в газете «Дейли Ньюз». Там узнал где какая чакра организма притаилась, различные оттенки биополя стал различать, и пульсации космоса маленько отгонять в нужную сторону — в общем, не зря деньги на учёбу потратил. И стал народным целителем с уклоном в психотерапию. Многие вылечить мог — и алкоголизм, и бородавки, и боязнь мышей, и гинекологию разную. Даже на состоянии и по фотокарточке тоже — вот только с кариесом справиться никак не удавалось. Но тут надо понять, зубы это такая грубая материя, которую космос вообще полностью игнорирует. Пусть уж там дантисты...

Бывший босс регулярно ходит к мистеру Шеннону лечиться от стресса. Послушно выполняет все рекомендации, нюхает розы, дышит низом живота и три раза в час внушает себе: «Я спокоен! Я, черт побери, спокоен. Я совершенно никуда не тороплюсь, пропади все пропадом!» И все у босса стало хорошо, вот только с бизнесом что-то стало плохо. Но бизнесы мистер Шеннон не лечил, это совсем другая специализация.

Мистер Шеннон хоть и не злопамятный человек, скорее даже добрый, но оплату с экс-босса берет только наличными и широко улыбается. Такая у него полезная привычка вырабаталась. А стресса у него теперь и в помине нет, даже рубцов не осталось. И розы нюхать у него в настоящее время ни малейшей нет необходимости. Доктору же тому, который от этого недуга так здорово помог, он на каждое Рождество и ко Дню Благодарения шлет красивую открытку с пожеланием успехов в труде и приятной личной жизни.

Москва будничная и не только

- Блины потребляете?
(из письма друга)

Что за люди москвичи - вопрос этот со времён Гиляровского занимает и интригует. Подобно тому, как сами москвичи, по наблюдению юмористов, озабочены погодой, остальная часть населения страны привержена загадке москвичей. Москва никому не нравится, но всех притягивает. О москвичах, как о евреях: у меня знакомые есть в Москве – и неплохие люди!...

С некоторых пор и меня стал занимать вопрос «самоидентификации».

Что есть Москва? Мегполис – да, столица – да, культурный и деловой центр; метро, которым по привычке мы гордимся, Комсомольская площадь – «три вокзала» и три кольца.

Москва - это Вавилон, место, где никому ни до кого нет дела. Нет такого сообщества - «москвичи», есть отдельные группы со своими интересами: автомобилисты и те, кто ездит своим ходом; пенсионеры и служащие; чиновники и владельцы предприятий; школьники-студенты и молодёжь, не обременённая учёбой; те, кто живёт в своих квартирах или снимает; без определённого места жительства и без определённого места работы (но, бьюсь об заклад, последняя категория меньше всего занимает потенциального читателя, большинство интересуют так называемые люди благополучные). Наконец, элита, ньюсмейкеры – президент, олигархи, «звёзды» – будто бы приписаны к Москве. Но в восприятии среднего человека их нет; есть только след, звон, дым, да особое выражение солидности или бесстрастности – по чину – на лице оберегающей службы. Встретить знаменитость попроще, более «рядовую», в будничной обстановке – в магазине, в сберкассе, в бассейне - для москвича не событие, это запросто.

Ключевое слово для горожан – разобщённость.

Спросить вот, как москвичи относятся, например, к приезду «Хамас». Правильный ответ будет: никак. Все заняты собой, работают, сидят в ресторанах или в очередях в поликлинике, играют на бильярде, парятся в сауне, пьют хорошие вина или пиво, смотрят телевизор, по центральным каналам узнают новости родного города: вот приехала делегация Хамас, вот группа протестующих в этой связи, вот горит «Комсомолка», а вот манифестация покрупнее - против повышения цен ЖКХ. Это уже серьёзное, всех касается (многих, но не всех, некоторым эти повышения, что слону дробинка).

Исчезли московские дворики - символ поленовского размеренного уюта – и более поздние дворы, с детскими ватагами, братством и неписаными правилами. Их заменили охраняемые территории за коваными воротами или шлагбаумами, а старые подворотни украшают новые таблички: «Двор не проходной!» Не суйся, мол. И правда, не суйся: «везде поставили капканов» - комедийное пророчество, почти сбывшееся.

Второе ключевое слово – непостижимость. Москва непостижима, все реалии этого города не знает никто. Невозможно одновременно интересоваться клубами нумизматов, рынками, состоянием библиотек, жизнью элиты и жизнью узбеков, подрадившихся в РЭУ дворниками.

Третье слово – толпа. Толпа в экзистенциальном таком значении, нивелирующем. Каждому москвичу, а приезжему подавно,

приходилось ощутить себя частью толпы, винтиком, от остановки которого ничего не случится. Многим это состояние приходится испытывать каждый день.

Машин и людей на улицах столько, что невольно думаешь: никто не работает. Но нет, это не так. Работают, работают, работают: в офисах, как в тюрьмах, взаперти миллион людей. На ночёвку им разрешено домой, и они пополняют толпы, как будто без них мало. Эти люди – несчастные; они не видят белого света, приезжая на работу зимой засветло, а засиживаясь затемно. На окнах у них жалюзи, искусственный свет подло мигает.

Неважно, кто вы – зубной врач в платной клинике или хорошо оплачиваемый менеджер – вы будете ненавидеть свою работу «на хозяина», страдать от бестолковщины и мечтать о пятнице.

Если вам посчастливилось родиться с амбициями, ваши будни будут скрашивать вечный бой за карьеру.

Если Вы менеджер разъездной, вы будете париться в пробках, но зато наслаждаться иллюзией свободы. Единственная проблема – что в вашем так называемом свободном графике почему-то всё равно не остаётся времени для книг, театров, стихов. Может, просто такая цель не ставится?

Если по делам службы вам приходится ездить на метро – повезло меньше. Тут уже нет никакой свободы, в сдавленности тел. Рядом с вами едут по своим делам пенсионеры, приезжие, няни и учителя ваших детей, студенты, какие-то курсанты, какие-то люди с портфелями, и каждый мечтает только об одном: выбраться наружу и быстрее оказаться на месте. Вечерами же единая цель овладевает смешанной толпой: скорее к домашнему очагу!

Вот около станции «Юго-западная» из автобуса вываливается народ. Женщина не москвичка, из Кургана, замешкавшись со своими вещами, остаётся последней, спускает со ступеньки одну сумку, другую, поворачивается за третьей, и в этот момент водитель, подумав «ну, всё», закрывает двери и даёт ход. Колесо проезжает женщине по ноге. Крик, слёзы, паника. Толпа собирается и потихоньку рассасывается. Вскоре около пострадавшей остаётся один человек, девушка, которая в восьмом часу вечера возвращается с какого-то жутко умного семинара. К счастью для курганчанки девушка предлагает ей помощь – добраться до площади трёх вокзалов, откуда с Ярославского уходит поздно ночью поезд на Курган. Они тащатся с вещами на метро, женщина еле, еле, но идёт – она в шоке, и что там у неё с ногой, неясно. На вокзале девица не успокаивается, а продолжает свою миссионерскую деятельность, оставляет бедную тётку в зале ожидания, а сама отправляется в кабинет красного креста.

- Ну, и что вы хотите? – спрашивают её.

- Чтобы женщине оказали медицинскую помощь!

- Мы можем вызвать «скорую», но когда там она придет... В пробках обычно проходит больше часа.

- Что же ей делать, до Кургана терпеть?

- Пусть обратится в травмпункт. Ближайший – в Сокольниках.

- Да что вы, смеётесь - мы еле доехали сюда! Вы сами не могли бы посмотреть её ногу?

- Нет, мы ничего не можем сделать, мы же не специалисты! Я – фельдшер.

Упорная девушка идёт к начальнику поезда. В каком вагоне будет ехать дежурный

врач? Оказывается, что такого не предусмотрено.

Так что, дорогие приезжие, не попадайте в истории – скорее всего, вам не помогут. Не предусмотрено.

Иностранцы, временно живущие в Москве, мало чем отличаются от провинциалов. Им бывает так же неудобно. Но за ними стоят консульские отделы посольств. Надо бы подумать о консульствах российских городов!

А сами москвичи? Кто последит за ними?

Совершенно понятно, почему все давно вооружены мобильными телефонами. Мобильник – не роскошь, а средство сообщения.

В известной мере и «роскошь человеческого общения» свелась к сообщению. Особенно среди людей занятых.

Однако и менее занятые – не свободны.

Моя мама позвонила как-то давним знакомым, очень давним: дружили домами, соседствовали дачами ещё их родители, а мы, внуки, проводили вместе летние каникулы (и сейчас мы имеем обыкновение редко, да навредить их на старой даче, откуда сами давно переместились). Оказалось, что мы уже лет семь - как переехали из центра - живём на одной с ними улице в соседнем доме. В Москве мы не виделись ни разу.

Но разве таким рассказом удивишь? Только не москвича.

Москвич – притча во языцех, когда говорят о людской сухости, недружелюбии, несокомерии. Однако и у москвича есть потребности для души: не только ностальгические «кухни» (теперь это могут быть и пентхаузы), где ведутся разговоры с равными и на равных, за рюмкой чая или без, но и все виды «бегства». Бегства из города - на дачу, со службы - на «переговоры», от родителей и педагогов - на дискотеки или в ночные клубы, от недовольства собой – в косметические салоны и тренажёрные залы. Люди «культурные» ищут отдушину в консерватории или хотя бы в театре Эстрады. И хотя любимым занятием среднего москвича остаётся сидение дома, мода на «выход в свет» внедряется всё настойчивее (на мой взгляд, не самая плохая мода!).

Конечно, все эти виды «бегства» не спасут от депрессии, если вы – москвич. Лучше обзавестись надёжными друзьями и семьёй, тогда и только тогда помогут меры «функционального лечения» (чувствуется расчётливость в слове «обзавестись»? Ну так ведь «совет от москвича»... На самом деле, толлика прагматизма и холодного юмора отношения не портит).

Как насчёт культурного досуга и уикендов? Если будни в Москве кажутся серыми и безысходными, то выходные – пестрее и ярче, чем где-либо. Ведь нигде нет такого разнообразия возможностей, как в Москве, сделать праздник, пусть камерный, из обыкновенного выходного дня.

Большинство москвичей хотя и знает, что в их городе богатая культурная жизнь, но не пользуется этим. Привычки интересоваться культурой нет, а то бы заглянули в афишу - в Москве много искушений, и есть выбор, куда пойти и чем заняться. Но чтобы взглянуть на афишу, надо сделать шаг в сторону, или воспользоваться интернетом, или открыть приложение к газете, а газет здесь тоже давно никто не выписывает.

Невозможно заманить москвичей на вылазку хотя бы раз в месяц на культурное мероприятие. Для начала надо бы увеличить количество всех площадок – кино-, концерт-

ных, театральных, спортивных, выставочных - в разы, если не на порядки, цены понизить до смешных - но и тогда не пойдут! Ведь и сейчас цены доступны большинству. Как бы изменить привычки? - Устранить на дорогах пробки, заменить метро вертолётами, приставить к каждой семье кухарку или хотя бы уборщицу. И закрыть «Ашан» и другие гипер-молы!

Тем не менее, народу немало и на выставках, даже в серые пуржистые дни («Зима недаром злится»). Мы добираемся на машине на Крымский вал, в новую Третьяковку, минут за сорок. Перекусываем, кстати, в буфете блинами, разогретыми в микроволновке, и отправляемся по залам. Здесь идёт выставка «Русский символизм - Голубая Роза», побывавшая уже, кажется, в Бельгии с большим успехом. Но это уже другая тема, и завязка другого разговора.

Придётся ли в театр (а мы зимой ходим раза четыре) – народу тоже полный зал. Очень много молодёжи - не школьного возраста, а постарше. Может быть, это Таганка так притягивает зрителя? Желания побывать везде, чтобы сравнить, почему-то нет.

Выставка реже разочаровывает, чем театр, куда к тому же лучше иметь билеты заранее. Будь то фотография, скульптура или живопись, всегда находится что-то стоящее, и выходишь под впечатлением.

Театр же не всегда на высоте, и, честно, только одна сцена, любимовская «Таганка», никогда не огорчала, субъективно, конечно.

Театральная тема – какая-то неблагоприятная. Слишком многое мне не нравится в моей простоте. Мне как зрителю надо, чтобы меня не замыслом удивили, а порадовали – исполнением, мастерством. Поэтому Женовач в моём вкусе, а Житинкин – нет. Знаю, как много сейчас новых театров и новых сцен, но не стремлюсь расширять круги. Бывало, уже скучали, пока актёры прикалывались на подмостках. Боюсь нарваться на то, что не отличается ни вкусом, ни какой-то особой новизной. Постмодернизм...

Но кто рисковать не боится, не прогадает. Ожили снова всякие ДК (Дома культуры), правда билеты туда стоят дороже, чем в обычные театры. Сколько музыкальных ночных клубов – ещё один уровень развлечения и, если угодно, трат! «Клубов по интересам» прямо на улице, и в мороз, и в жару: на «Горбушке», около разных букинистов и антикваров, на Измайловском вернисаже (том самом, что был сожжён, а потом отстроен), клубов кинологов и прочих звероводов. Танцевальных клубов – молодёжь сейчас вовсю учится вальсу, румбе и ча-ча-ча и проводит время не на дискотеках, а в паркетных залах.

Москва согреет, в плане досуга по крайней мере. Почитайте всё-таки афишу, друзья!

Марина ПАВЛОВА

Михаил Стародуб

Школа Студия (ВУЗ) при МХАТ СССР им. Горького, специальность «актер театра и кино», работал в Центральном академическом театре Российской Армии, частном театре «Мел», «Камерном молодежном театре», Лит. Ин-т им. Горького (1987г.), член Российского союза профессиональных литераторов (1996г.), автор книг «Записки супермена» (1991 г., «Прометей», М., фантастические рассказы), «Детские стихи» (1995, «Совер», М.), «Вам же хуже быть не в луже» (2001, Издательский Дом «Грааль», М.); участник сборников «Классики», «Классики-2» (2002, 2003гг.

«Детская литература», М.) - признана лучшей книгой РФ 2003 года в номинации «Вместе с книгой мы растем», член редколлегии альманахов «Литературный перекресток», «Мел-О-Драма»; автор пьес «Большое звездное БУ с куплетами» (1991г.), «Для Анны и рояля» (2001г.), «Сделка» (дипломант Всероссийского конкурса «Дорогами добра» - 2006), публикуется в газетах и журналах. Автор и исполнитель песен (участник передач на НТВ, Радио России, «Маяк», «Деловая волна», «Говорит Москва» «Ракурс», «Народное радио», «Голос Подмоскovie», «Русская волна» и т.д.).

Бесшумный народ

Тишина пробирается в классы и кабинеты. Растет, ширится, глотая пустоту.

Становится храбрее, глубже. Не боится тканья часов, птичьего гомона. Не

обращает внимания на легкое дыхание и стук сердца, на эхо Серегиных шагов.

Можно вообразить, какая она на вид, если замуриться и особенно не спешить.

Тишь.

Немь.

Молчь.

Покой.

Мысленно тишина представляется облакоподобной, необычайно прозрачной, пронизанной солнцем.

- В дождливые дни и по ночам солнечный свет, конечно, уходит... - соображает Серега.

- Зато под шелест дождя в тишине приходят самые светлые мысли. А ночью - цветные и черно-белые сны... - промелькнуло в голове... - И Серега невероятным образом понимает, что слышит тишину, которая таким образом желает с ним познакомиться!

- Кто этот мальчик? Зачем он сюда пожаловал в разгар каникул?

- Посмотреть, какая она, школа. В сентябре я пойду в 1 класс.

Вдруг становится страшно. Потом смешно. Кажется, у тишины - от пола до потолка - одна огромная, пухлая ручища с толстенными пальцами. Сереге опять страшно, да так, что мороз по коже!

- Друзья называют меня тетужкой Ти...-само собой складывается в голове.

- Сколько у тебя рук и ног? - преодолевая страх, мысленно интересуется Серега.

- Без счета. В школе - множество помещений и немало этажей. Всегда можно попросить лишнюю пару ходилок или хваталок.

- Попросить?! Неужели?

- У дедушки «Т-с-с!»...

- А сколько у тебя глаз?

- Пара гляделок.

- Как же ты обходишься двумя? В школе - помещения, этажи...

- Глаза успевают заметить самое главное. Как у тебя. Только мои глаза - в движении, они умеют быть то здесь, то там.

- Кто такой дедушка «Т-с-с!», скажи, пожалуйста!

- Тот, кто отправляет бесшумный народ в школы, детские сады, ясли, в жилые комнаты, на чердаки и в подъезды домов. А еще ко-

мандует тишиной - в полях, лесах, на берегах реки, и совсем далеко в горах, у заоблачных вершин. Кто раздает на каникулы поручения и задания.

- У тишины бывают поручения?! Какие?

- Утихомиривать мух, без шума закрывать скрипучие окна, форточки. В тихий час - навевать ясельным детям сны. Случается, надо придержать ладошками ветер. Мало ли... В подходящую кромешную ночь бесшумный народ собирается вместе...

- Обсудить секреты ремесла?

- ...Чтобы помолчать вместе с дедушкой «Т-с-с!»...

- Помолчать?! И только-то?

- Иногда это очень немало. Помолчать о лете и детских снах. О том, что «ура, каникулы!». О том, что вокруг детей и стариков - тишины - разливаемые просторы! Что многие папы и мамы тишину не любят. Они не ценят ее и даже не замечают, что бесшумный народ бывает лунным, солнечным, звездным! Самых разных цветов и оттенков! Все это можно мысленно представить, когда в тишине закроешь глаза. Попробуй, если захочешь!

- Пробую, ладно...

Покой.

Немь.

Тишь.

Молчь.

Вдруг, и очень некстати, слышится собачий лай! Вздогнув, тишина исчезает. Лохматый пес Рыжик врывается в школьный коридор. Когтистые лапы цокают по паркету. Рыжик - широкогрудая «зверюга», с острыми ушами, узкой мордой, клыками, кончики которых хищно загнуты. Встав на задние лапы, лохмач выглядит на голову выше Сереги! Рыжик пытается лизнуть мальчика в нос.

- Я просил подождать у входа! - возмущается Серега (а пес, понимая, что виноват, лает особенно вдохновенно и раскатисто!)

Собачий взгляд добродушен и предан. Лохмач дышит громко и часто, розовый язык свисает на сторону, друг человека широко улыбается. Можно ли не улыбнуться в ответ?

- До встречи! - вслух произносит Серега, машет рукой, надеясь, что бесшумный народ сможет извинить, понять и, в свою очередь, улыбнуться. Ведь глаза тетужки Ти успевают заметить самое главное, они - в движении, умеют быть то здесь, то там.

Михаил СТАРОДУБ

Зоя Завадовская

Родилась и прожила первых несколько лет своей жизни в Бахчисарае, потом родители привезли меня в Москву, где я и живу. Закончила пединститут, работала учителем математики, а потом дизайнером. Писать стихи начала рано, но как-то стеснялась выносить их на суд публики. Интернет открыл новые возможности, мои стихи опубликованы на многих сайтах. В 2007 году подборка моих стихов опубликована в литературном сборнике «Магнолия», СПб. В 2010 году благодаря «Галерее Златы Раповой» в издательстве «Другая Галактика» вышла моя первая книга «Свое время», где собраны стихи и рассказы, написанные в разные годы. Печатаюсь в газете «Современная литература».

Каникулы проводила в поселке Бородинского музея, в котором работала моя тетьа.

В 2012 году будет широко отмечаться 200-летие Бородинской битвы. В целях облагораживания территории Бородинского поля до конца 2010 должен быть снесен поселок, в котором уже больше полувека живут работники Бородинского музея. Это место очень дорого для меня - там прошли лучшие дни моего детства.

Подари мне надежду
на тихий безоблачный вечер...

Тихий вечер

Подари мне надежду

На тихий безоблачный вечер,

Подари мне звезду,

До которой нельзя долететь.

Летний дождик прошел,

И опять горизонт безупречен,

И не можешь понять,

Отчего вдруг так хочется петь...

Спой мне песню заката,

Что крылья на небе расправил.

Спой мне песню травы,

Что шумит над моей головой.

Нам никак не прожить

Без когда-то придуманных правил,

И никак не уйти

От того, что называли судьбой.

Расскажи мне, куда

Улетают бессонные птицы,

Расскажи мне, зачем

Полыхает на небе закат.

Ночь настанет, и вдруг

Нам обоим случайно приснится

Мир, в котором часы

Повернут свои стрелки назад.

Бабье лето

Отзвенели в лугах колокольцы,

Отсинели в полях васильки,

И тумана белесые кольца

Заклубились с утра у реки.

Нас еще не кружили метели,

Злые ветры лицо не секли,

Только птицы уже улетели –

Беспокойные дети Земли.

Это только начало прощанья,

Это осени серой заря –

Бабье лето, пора отцветанья,

Лебединая песнь сентября.

Музейный поселок

Угольный черный просёлоч,

В поле дубовый колок.

Сносят музейный посёлок –

Детства родной уголок.

Старый забор покосился,

И развалился сарай.

Сколько ночей ты мне снился,

Словно потерянный рай!

Багратионовы флеш

Под монастырской стеной.

А за околицей лесной

Скрипнет трухлявой сосной.

Только не страшно сердечку

В шумной ребячьей толпе.

Мы убегали на речку

По земляничной тропе.

Залита солнцем веранда,

Бабушка вновь у плиты.

Дружная наша команда

Рвет у оврага цветы.

Здесь и ромашки, и кашки,

И колокольчиков цвет.

Каждой зеленой букашке

Наш и поклон, и привет.

Там, где чугунные пушки

В стройном параде стоят,

Мы находили свинюшки,

Рыжие шляпки маслят.

Скрипнет зимою крылечко,

Дом заметен до окон.

Теплая русская печка,

Дальний таинственный звон.

Утром – морозная зорька,

Пахнут арбузом дрова...

Хоть расставаться и горько,

Жизнь, как обычно, права.

Имя Баркляя де Толли

Знали с младенческих лет,

Просто мы жили на Поле

Наших потерь и побед.

Путь к нему труден и долог –

Сто километров всего.

Сносят музейный поселок.

Как же мне жить без него?

Феликс Дымов

представитель «ПИ1»
в Санкт-Петербурге

Суркис Феликс Яковлевич. Литературный псевдоним Феликс Дымов

Если писать о себе подробно, получится книга. А если в трех строках...

Родился 8 октября 1937 г. Житель блокадного Ленинграда. Окончил Ленинградский Военмех, инженер-механик по пороховым инструментам... С 1959 по 1984 годы инженер, с 1989 издатель. Без отрыва от производства занимался литературой.

Публикуюсь с 1968 года. Член Межрегионального Союза писателей Северо-Запада. Руководил семинаром молодых фантастов Б. Стругацкого, семинаром молодых поэтов.

Автор 15 опубликованных книг. Повести и рассказы печатались в разных сборниках, переводились на иностранные языки. Написано, конечно, гораздо больше. Наиболее значительные книги – «Благополучная планета» и «Полторы сосульки», «Три времени любви», «Салют, воронята!», «Шесть дней» (роман).

Работаю в жанрах фантастика, реалистическая проза, переводы с английского, лирика, критика, публицистика. Женат, три сына, четыре внука.

Сотворение мира

Рассказ (Фрагмент)

Экки подошел к картине, погладил гору рукой. Ладонь утонула в стереополотне, но не глубоко – до снежного пика и мраморной ротонды не достала. На склонах горы было знойное лето, озеро почти высохло и просвечивало из-за холмов непокорной синей запятой. Пальцы чувствовали жар сиреневого, оставшегося за кадром солнца. Трава в долине пожухла. Коровы поднялись на высокогорный луг и лежали, пережевывая жвачку равнодушными ртами. Им тоже было безразлично всё на свете, потому что их когда-то вlepили в картину красками и не объяснили, что к чему...

Экки пожалел траву, изнывающие от жажды холмы, и, не очень сознавая зачем, плеснул к подножию горы, прямо в озеро, кружку воды.

Вода просочилась сквозь стереополотно, оставив следы росинок на листьях ближней ветки, до капельки всосалась в почву.

Экки плеснул еще кружку. Потом еще. И еще.

Над вершиной горы собрались тучи, громыхнул гром. Озеро приблизилось, почернело. Коровы вскопили и, задрав хвосты, как от оводов, галопом помчались в деревню.

Экки плеснул еще кружку.

Поверхность картины вспучилась, обрела реальный объем. Гора тяжело качнулась и, раздвинув холмы, полезла в каюту. Мокрый глинистый язык съехал на газон, пол сразу прогнулся, откуда-то нанесло мелкой гальки, затрещали стягивающие каюту переборки. Пахнуло сыррым ветром, удушливой предгрозовой тишиной.

Оскальзываясь на глине и гальке, Экки пересек каюту, вызвал Лолу. Лола не отвечала. Он включил изображение – и отпрянул: в экран бился желтый от взбаламученного ила прибой. Обычно тихое, играющее бликами озеро в Лоллиной каюте вздыбилось, разбушевалось, выгнулось из картины, грозя прорвать стереополотно и, гоня перед собой ил и камни, затопить все. берега с холмами и горой не было видно. Лола с неподвижными глазами сидела в углу, пытаясь взглядом остановить стихию.

– Экки, чего она? Хорошо, что ты появилась, мне страшно! Я читала, а тут вдруг как загремит, как она начнет рваться сюда! Почему, Экки?

– Погоди, Ло, я сейчас что-нибудь придумаю.

– Нет-нет, не уходи, заberi меня отсюда, я боюсь, – сказала Лола бесцветным голосом.

– Не так сразу, Ло. Заберу. Или вот что: закажи моторку и пробкуй жилет. Правь в сторону горы. Я тебя встречу.

Инзор поперхнулся и смысл изображение Лолы, заместив его жестким командирским профилем по прямому экстренному каналу:

– Внимание, чрезвычайное сообщение. Обнаружилась концентрация гравитенных сил. Обитателям сектора приготовиться к эвакуации. Сохраняйте спокойствие. Экраны оставьте

включенными...

Гора поползла до инзора, смяла его, полезла в бытовку. Оглядываясь через плечо, Экки соединился с Техцентром, запросил спасательное снаряжение для альпинистов. Механизмы не удивились и, прежде чем гора сжевала их, выдали из камеры штормовку, две пары трико-ней, ледоруб и рюкзаки с двухнедельным НЗ.

Когда галениковая осыпь подкатилась под ноги, Экки, уже переодетый, вскарабкался по каменным неровностям вверх, протиснулся в зазор между рамой ожившей картины и склоном горы. Поскользнулся, упал, больно ударился локтем. Но откуда-то сам собой пробуждался навык. Ноги устойчиво напружинились, часть веса принял на себя ледоруб.

Гора уходила отсюда в свои небеса. Попирая законы перспективы, Экки, отчетливо видел, как на экране, еще не слизанном осыпью, проявился Игорь, а у него под мышками, поверх головы, через плечи, выхлестнули зеленые плети – зеленая стена дикого, жадного до жизни леса. Грохот камней и шум ветра вокруг не соответствовали свисту распрямляющихся веток и шелесту листьев.

Верхом горы Экки обогнул холмы, спустился к озеру. Лолу он нашел на берегу – свесившуюся через борт надувной резиновой лодки, пропоротой корягой. Мотор терпеливо фырчал. Волна гоняла по песку консервную банку с питьевой водой.

Экки тронул слипшиеся, потускневшие волосы девочки, накиннул на ее обнаженные мокрые плечи штормовку.

– Идти можешь?

Лола открыла глаза, неуверенно поднялась, провела руками по телу сверху вниз:

– Экки, я рада, что мы здесь. Ты совсем не похож на того, который в инзоре.

– Нашла время... Идти можешь?

– Не знаю, а что это всё?

– На, обувайся!

Он усадил девочку на борт лодки, помог натянуть и зашнуровать трикони. Лола не могла сбить икоты и всё еще вздрагивала то ли от холода, то ли от страха.

Отойдя от берега, Экки в просвете между холмами увидел вросшую в землю стену с прямоугольным окном внизу, через которое гора вторглась в искореженную каюту. Как раз в это время там начали таять переборки. Бытовки вбирали в себя стены, полы, и они съезжались и упали в магистральных трубах, точно звездолет постепенно уступал свой объем горе. На миг открылось изнутри все огромное пространство корабля – сплетение труб и кабелей, суелливые, без паники, людские фигурки в приметных спасательных скафандрах, неподвижные, ничем не удерживаемые в воздухе рамы двух тысяч взбесившихся картин, через которые лавымался в звездолет вымышленный художник

ком и заново за годы полета додуманный каждый звездоплавателем забыто-знакомый мир.

Ошавел от этого зрелища, Экки потащил Лолу за руку прочь, прочь, всё выше и выше по склону. Следом выскочили люди. Кричали, звали, настигли. Экки отбивался, заслонял собой девочку. Его повалили. Вырвали рюкзак. Втиснули в скафандр. Навинтили шлем. И в таком виде, дрыгающего ногами и руками, выволокли через шлюз в Космос. Там уже перемигивались дюзами ракетные шлюпки, кувыркались аварийные плотники под ненадежными пленочными куполами, сновали светящиеся ярко-оранжевые командирские скутера. Спасатели подбирали одиночек в скафандрах и организовывали их, нанизывая за поясные карабины на буксирный фал.

Всюду плавали потерянные, ставшие внезапно ненужными вещи.

Экки кинулся обратно к шлюзу, застучал в створку, замуравившую в корабле странный мир. Но кто-то решительно взял его за руку, до боли сжал через перчатку, и мальчик улыбнулся сквозь слезы, потому что это был Родий.

«Как мама?» – спросил он.

«У них всё в порядке!» – почти не разжимая губ, ответил брат.

Звездолет висел в пустоте, покинутый и беззащитный. В абсолютном безмолвии не передающего звуков вакуума по его оболочке зазмеились трещины, обшивка лопнула, и оттуда, как цыпленок из яйца, прорезался острый пик заснеженной горы. В лучах Аламака снег оказался сиреневым. Гора лезла и лезла из звездолета, всё дальше разводя в Космосе половинки корабля, и уже непонятно было, как она первоначально в нем помещалась, – впрочем, загадка не загадочнее той, по которой взрослая курица, несущая яйца, сама когда-то вылупилась из яйца... Далеко отстав от горы, из звездолета выныривали всё новые кусочки нарождающегося мира. Кусочки склеивались, притирались один к другому, на глазах образовывали нечто огромное и цельное.

Скутера, плотники, люди, масса утративших название и назначение предметов сыпались на заметно круглую поверхность, уже приодетую разными пейзажами.

Покрытое иглами льда синее озеро...

Зайндревшая зеленая трава...

Озябший лес...

Полотие, пригодные для пахоты холмы...

Огромная, уходящая за облака гора...

Планета медленно поворачивалась, принимала людей, подставляла им ласковую спину. Вот склон горы подкатился Экки под ноги, мальчик безмолвно, как во сне, упал навзничь, перевернулся на живот, встал на колени, сорвал шлем и глубоко втянул в себя застоявшийся, не тронутый человеческим дыханием воздух.

– Ну вот, Родий! А ты говорил, у Аламака нет планет...

Слышно было хорошо. Чиж и говорит, вижу, мол, машина с керосином идет. Заправиться будем. И верно, машина пришла, цистерна на колесах, перекачала в Чижову ракету весь керосин и уехала. Ну, Чиж говорит, давай прощаться! Удачи мне пожелай! Обнялись мы с ним, расцеловались троекратно, по обычаю русскому и полез он в свою ракету. Люк закрыл, завинтил, и мне говорит, что готов к старту... Давай, мол, Митяй, (Митяй – это я) крути ручку, а как скажу «Старт», кнопку нажимай и в жемте своей на дно падай! Береженого Бог бережет!

Я все так и сделал, как Чиж велел! Кнопку нажал и в окопчике на дно упал. Сперва шибко зашумело что-то, зашипело-загудело так, а потом... Рвануло так, что я оглох совсем! Аж, земля ворохнулась! Но не встаню, лежу себе! А как стихло всё, встал. Смотрю – нет Чижовых ракет. Ямка только там где стояла она ране. Сел я на землю и думаю, так улетел Чиж или взорвалось его сооружение, не дай Бог? Я же не видел ничего, носом в землю уткнувшись...

Тут народ сбегался, потому как в деревне стекла из окон повывлетали... Учительский на машине прикатил, сельсовет в составе полном. Что-то меня спрашивают, а я оглохший еще!

Долго я отходил, дня два не меньше. Стали меня все расспрашивать, следовательно из города приехал. Они то всё по непонятливости своей думали, что взорвался ракета Чиж! Однако все на километр обшарили вокруг «космодрома» и ни единого осколка не нашли.

А что я мог им сказать, что я знал? Сказал, что Чиж на Луну улетел и все. Кричит следователь дурным голосом, что быть такого не может, чтоб крестьянский мужик настоящую ракету построил и в космос улетел! Ну, откуда ему знать, что не простой мужик это, а Чиж! Знать надо, каким он был! И, самое главное, мечта у него была.

А когда мечта есть, то и до Луны долететь можно. И не только до Луны...

Назад Чиж не вернулся. И правильно сделал. Ничего хорошего здесь нет, на земле моей родной, которую невесту во что превратили правители наши.

Вот потому, сижу я вечером на крылечке, как ране Чиж сидел, и на Луну смотрю. Жалею, что не дал мне Бог таланта, что у Чижка было. Я бы тоже ракету построил и на Луну, к нему. Эх, и зажили бы мы славно с ним вдвоем! Где ты там, Чиж? Как тебе живется на Луне? Может, прилетишь, заберешь меня к себе?

Геннадий Лагутин
г.Тверь

Творческий псевдоним Г.Елагин. Печатных публикаций, практически, не имею.

Рассказ «Последний бой» напечатан в приложении к журналу «Вокруг света» «Полдень. Двадцать первый век» под руководством Б.Н. Стругацкого (март 2010 года)

Мои награды: медаль Правительства РФ «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Медаль Правительства РФ «За участие в переписи населения». Медаль им. Ф.М.Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость». Орден от Патриарха Всея Руси Алексия «Орден Св. Даниила Московского». Медаль Тверской области «За заслуги в развитии Тверской области». Высший Знак отличия Тверской области «Крест Св. Михаила Московского». Почетные знаки: «Почетный радист». Почетный знак «300 лет Российской прессы». Почетное звание «Ветеран космодрома Байконур» и почетный Знак им. Гагарина.

Много лет работал на телевидении в Брянске, Шевченко (Каз. ССР), на космодроме Байконур (г.Ленинск Казахстан) и в Твери.

Ты прости меня, читатель, что рассказ мой меньше ладошки будет. В нашей местности народ занятой, зря болтать недосуг нам. Поэтому, наверное, и зовем друг дружку коротко, без длинностей и величавостей. А то и по прозвищу! Разве только по праздникам, по имени-отчеству друг к другу обращаемся. А в обычное время, так только, именами короткими, чтоб они не застревали в зубах, пролетали, как пуля: «Василь! Левша-а! Чиж-ж!» А потому не буду дальше терять время, а прямо расскажу о мастере не-превзойденном, которого все Чижом кликали.

Ой, и сейчас не перевелись на Руси мастера, что и блоху подковать могут, и велосипед изобрести ни с того ни с сего... А все потому, что в головах бурлит у них и руки зудятся по делу интересному. Издревле повелось это, многих и не запомнили. Ну, там Левшу помнят, Черепановых, отца и сына, Ивашку Бушуева еще... А про Чижка, так и не знал никто вовсе. А мастер он был знаменитый. Ни власть советская, ни нынешняя, демократическая, мастерства из него не вышибли. И ума дотошного не смогли лишить.

Ране он в городе на заводе работал, а как новые хозяева пришли, выкинули Чижка на улицу, потому как мастер он первой руки и платить ему надо как полагается, а не гроши малые... Эти – ж за копейку удавятся! Да и возраста Чиж был пенсионного...

Погоревал Чиж, да и уехал в деревню, откуда родом был, где все его предки на погосте покоились. Только и в деревне он изобретал все, да чудные вещи строил. К примеру, осенью после дождей разжижитесь все, от грязи деваться некуда, а у Чижка на крыльце машинка стоит, сапоги сама чистит. Сунул грязный сапог внутрь, вынимаешь, а он сияет весь блеском зеркальным. И в доме все у него было, как в сказке. Кнопку нажал – ставни открылись. Другую – занавески раздвинулись. Машинка на кухне стояла – муки насыпал, яйцо разбил, нажал кнопку и давай она на тарелку оладьи сыпать. Электричество у него свое было – пропеллер на мачте крутился. Ой, да не перечислишь всего, что Чиж понаделал!

Бабка Федосеевна на горище часы старые сыскала, не ходящие, принесла Чижку, может, сгодится на что. А тот через неделю часы назад вернул, с музыкой уж... И играли часы бабкину песню любимую «В жизни раз бывает, восемнадцать лет...»

Только время-то летит. Постарел Чиж. Болеть начал. Больше сидел на крыльце, да на жизнь нашу смотрел.

Легенда о космонавте Чиж

А вот потом это и случилось! Такое случилось, что сельчане наши подумали: рехнулся Чиж на старости лет. Один я знаю, как все было. И не рехнулся он вовсе! Сидел Чиж как-то вече-

ром, на месте привычном, на крыльце своем... Смеркалось уж! Луна щекастая на небо выползла. Смотрел, смотрел на Луну Чиж и такая тоска его взяла – вот американцы там побывали вроде, а он, Чиж, так и в землю и уйдет, не прогуляется по Луне... И решил Чиж ракету строить – в космос лететь. И куда все болячки его ушли?

Это он со мной поделился, что и как задумал. Я и не удивился совсем. Чиж – он такой! Раз в голову зашло – не выбьешь ничем. Точно ракету делает. Смелость у него была, которая каждому творящему человеку необходима...

И началось! Откуда он всё тащил – знать не знаю. А через время малое весь двор у него завален был трубами и трубочками всякими, кусками металла. Привез он на телеге котел какой-то жаржавленный, кучу целую деталей неведомых. Аппарат сварочный где-то раздобыл. И в один день начал газосваркой варить, сваривать...

Даже ночью аппарат у него шипел, синим светом двор освещал. Извелся весь Чиж, только о своей ракете думает. Хлебца пожует и снова к своему творению. И мало -помалу, какие-то неведомые агрегаты у него во дворе вырастали. Уже весь двор заставлен был ими. Только все это никак на ракету похоже не было. Мы ж по телевизору видели, как она выглядит...

А потом пришел день, когда нанял Чиж автокран, машину грузовую, мужиков наших, и стали они все аппараты – агрегаты эти увозить далеко от деревни, на пустырь. Это, Чиж говорит, мой космодром будет, отсюда я на Луну взлечу... Туда он и переселился. Дом закрыл на замок и не появляется в нем. Я занятый был, к Чижку в гости не ходил долго, а пришел – рот открыл от удивления. Чиж собрал все воедино и стояла на земле, на трех ногах ракета – не ракета, а похожая на нее шибко. Машина такая, высотой с дом двухэтажный... Вот, говорит Чиж, хорошо, что пришел. Заканчиваю я. Мне помощь твоя понадобится! Ракету ты запускать будешь, отсюда... С земли.

Показал он мне, как магнето крутить, какую кнопку нажать по его команде, велел на-ушники одеть, а сам по лесенке деревянной полез вверх и в люке скрылся – связь проверить.

Чеховский фестиваль

Да, хорошо быть министром!

Хотя бы и министром культуры нашей прекрасной сибирской Абаканской области, где все от тебя зависят, а ты практически ни от кого. Донорские финансовые потоки постоянно омывают тебя и твоё министерство. А у тебя печатать – в левой руке, паркер – в правой. Сам себе хозяин. Хочу – подпишу, хочу – не подпишу. И поэтому все перед тобой, как в басне Крылова, на задних лапках ходят...

Примерно так думал, наверное, Владимир Семёнович Дубенский.

А что? Перестройка позади. В стране – свобода слова и дела. Всё приватизировано, всё схвачено. Демократия, возрождающийся капитализм, можно сказать, с человеческим лицом. Передел сфер влияния в посткоммунистическом пространстве успешно завершён.

Все главари конкурирующих группировок перестреляли друг друга, точнее, врага, в частных разборках. А ты – жив, как ни в чём не бывало! И ключевые позиции по-прежнему у твоих товарищей по партии, и ты по-прежнему в номенклатурных списках.

Министр культуры!

А начинал кем? Простым распространителем театральных билетов в Абаканском ТЮЗе!

Вот он и настал, звёздный час распространителя, мечтавшего когда-то сыграть на сцене роль Тригорина.

Став министром, Владимир Семёнович тут же переименовал ТЮЗ в Академический театр драмы и комедии имени А.П. Чехова и, назначив себя его директором, а по совместительству художественным руководителем, пригласил из Питера самого модного режиссёра Евгения Волковца - «Чайку» поставить.

И дело закипело!

Владимир Дубенской – в роли Тригорина, Бориса Алексеевича, беллетриста.

Екатерина Трубецкая, его молодая жена, - в роли Заречной, Нины Михайловны, молодой девушки, дочери богатого помещика, влюблённой в беллетриста.

Да, не случайно Екатерина Трубецкая, окончившая театральное Щукинское училище, приехала в Абаканск! Не случайно, а по специальному приглашению Абаканского министерства культуры. Не случайно Катя, так же, как и Нина, мечтала стать актрисой...

Все мечты сбываются!

Вот и сбылись мечты дважды разведён-

ного министра и его новой жены Катеньки - и в жизни, и на сцене.

Я присутствовал на всех репетициях «Чайки» с их участием.

Это было что-то! Дубенской и Трубецкая не играли, а жили на сцене, жили по системе Станиславского, без стеснения целуясь и улыбаясь...

Короче, спектакль удался на славу.

На банкете после премьеры Евгений Волковец поздравил всех артистов с заслуженным успехом и сказал, держа в руке бокал шампанского:

- Многоуважаемые дамы и господа! Я поднимаю свой бокал в честь новых побед. Дело в том, что небезызвестный благотворительный фонд Прохоровича объявил всероссийский конкурс-фестиваль под названием Чайка».

В Москву съедутся практически все театры крупных российских городов, и все будут показывать свою «Чайку».

Победителя ждёт Золотая маска. Да, да, маска, отлитая из чистого золота по спецзаказу на аффинажном комбинате нашего прекрасного сибирского города Абаканска.

И мы, наш театр и спектакль то есть, в праве рассчитывать на золото!

Тем более, что мы имеем надёжную, как сейчас принято говорить, крышу в лице ведущего актёра и министра Владимира Семёновича Дубенского и его неподражаемой партнёрши в жизни и на сцене Катеньки. Позвольте мне на правах режиссёра так фривольно её назвать и предложить тост за эту прекрасную пару!

Тут же, на банкете, заместитель министра вручил дипломы Заслуженных работников культуры всем, задействованным в спектакле, и объявил:

- Москва ждёт нас на фестивале. Будьте готовы!

- Всегда готовы! – закричали радостные участники банкета.

Я попал в состав делегации в качестве завлита, заведующего литературной частью театра, ответственного за рекламу и связь со средствами массовой информации.

Много лет проработал я завлитом и держался за это место, потому что грешил сочинением пьес и хотел, чтобы хоть одна из них была поставлена на сцене.

Но менялись директора, главные режиссёры, заявлявшие о том, что репертуар нужно обновлять - двадцать первый век на дворе! По сути же ничего не менялось. Репертуарная политика оставалась прежней. Шекспир, Бомарше, Горький, Чехов, в лучшем случае Григорий Горин. Царствие ему небесное!

Удобно работать с умершими драматур-

гами - ничего поперёк не скажут, да и гонораров им платить не надо.

А ты пишешь пьесы, живёшь на мизерную зарплату завлита и мечтаешь о лаврах и гонорарах... Брр... Как говорится, близок локоть, сена то есть, да не укусишь.

Вот и фонд Прохоровича вспомнил о Чехове в связи со столетием со дня его смерти.

Надо же! Сто лет прошло, а пьесы Чехова до сих пор современны, волнуют умы, будоражат чувства театральных зрителей, которым совершенно наплевать, что в портфеле у завлита Абаканского театра уже пять гениальных пьес, требующих немедленной постановки!

И всё же, надо честно признаться, Чеховский фестиваль в Москве удался.

Над центральными улицами красовались разноцветные перетяжки с приветствиями.

А на бесчисленных баннерах – портреты Антона Павловича в пенсне. Десять лучших российских театров десять вечеров на сцене МХАТа сверкали всеми гранями своих талантов. И на спектакли простому театралу просто невозможно было попасть! Даже мне, завлиту, потребовался специальный пропуск.

Я просмотрел все десять «Чаяек» и в результате сравнительного анализа могу заявить с полной ответственностью, что наша - была лучшей, а Катенька Трубецкая и Владимир Дубенской, влюблённые в жизни и на сцене, по своему актёрскому мастерству и естественной одухотворённости выше всех похвал.

Эх, мне бы пост министра да молодую жену! Уж я бы отличился!

А то всем - дипломы засрабов культуры, а про меня и позабыли! А ведь мне 60 лет вот-вот стукнет, и не со дня смерти, если пошутить, а со дня рождения. На пенсию надо оформляться... - а мне даже звание Ветерана труда не светит... Ну, да ладно. Замнём для ясности. Зато в Москве побывал, столичным праздничным воздухом подышал.

Что и говорить, всем сейчас трудно. Особенно работникам культуры.

Многие надеялись Золотую маску получить. А что вышло?

Сам Прохорович на закрытии Чеховского фестиваля засветился, с Золотой маской в руках, тяжёленной, видно было по лицу.

- Дорогие мои друзья! – сказал Иосиф Моисеевич Прохорович, - Поздравляю вас от всей души.

Десять «Чаяек» на крыльях взаимной любви прилетели в гостеприимную столицу нашей родины, в Москву, город, который славен крепкими театральными традициями.

Шекспир, Бомарше, Горький, Чехов, Григорий Горин – их пьесы с неизменным успехом ставятся и будут ставиться.

фтегазодобывающее управление) получается. Средств таких у Сергея нет, и не предвидится, и связей в верхах, чтобы гигантские кредиты пробить – тоже нет, а делиться прибылью с кем попало - он не хотел. Вот и берег скважину «на чёрный день», так сказать...

В руках у Петровича, который всю жизнь занимался дорогами и в добыче полезных ископаемых, честно говоря, мало что смыслил, оказались копии геологических отчетов и документов о принадлежности скважины. По документам всё сходилось. Петрович заволовался от свалившегося на него счастья, ибо хотя денег у него и не было, но связи-то были: слава Господу Богу, всю жизнь на северах проработал. Вот уже и пенсия на носу.

Жил Петрович в своей северной квартире бобылём, дети выросли и разлетелись, а жена, не дожидаясь его выхода на пенсию, который уже вот-вот, уехала жить на юга. Впрочем, перезванивались они каждый день.

Вечером после ужина и до самого сна он всё перебирал бумаги, вчитываясь в малопонятные термины и показатели. Много ли нужно человеку на старости лет? Обеспеченное завтра, довольные всем дети и внуки. Вот и всё.

В последние годы ему изрядно поднадоела его дорожно-строительная деятельность, поскольку конкуренция была большая, заказов не так уж много, а на тех, которые все-таки удавалось правдами и неправдами урвать для своей фирмы, никак не получалось толком зарабатывать. Вечно какие-то прохиндеи сначала обещали горы золотые, а после исполнения договора из них приходилось каждую честно заработанную копейку чуть ли не клещами вырывать. Иногда это удавалось, иногда и вовсе нет, но даже когда и удавалось: потерянное на ожиданиях денег время напрочь съедало всю прибыль и экономии. Ложка в этом мире дорога всегда к обеду, а не к позднему ужину да ещё года через три после обещанного обеда. Начал Петрович всё больше задумываться о душе, в церковь ходить, причащаться у батюшки, в грехах своих ему раскаиваться. Впрочем, матерился он в миру по старинной своей привычке так же, как и раньше, но теперь не забывал тут же и покаяться в содеянном, крестясь на ходу. «Ах, ты... твою мать! Господи, прости мою душу грешную!» - примерно так это звучало в его рабочем кабинете изо дня в день.

Вернемся к скважине. Раз есть проблемы, то их надо как-то решать. А чтобы что-то решать, нужны советчики. Петрович обратился к знакомым геологам за разъяснениями того эзопова геологического языка, в котором он ничего не понимал. Впрочем, из их разъяс-

нений он тоже никакого вывода сделать не сумел, выяснил только, что при бурении было две аварии, что скважина до планового конца так и не была добурена, что газ в ней есть, и нефть вроде тоже, но сколько именно – так и непонятно. Что сама скважина и кусочек земли вокруг неё принадлежат вроде Сергеичу, но лицензия на право пользования недрами, без которой добывать что-либо никто не имеет права, на всю территорию вокруг, включая место расположения скважины – принадлежит другому – очень крупному газодобывающему предприятию.

Но ему так хотелось верить только в хорошее, так хотелось, что, казались, выслушав специалистов и вычитав резюме обо всех препонах и опасениях, на самом деле он ничего не слышал и не читал. Любый мало-мальски не слабоумный человек, как угодно далекий от производства, остановился бы или уж задумался, по крайней мере: а нужны ли ему все эти проблемы? При этом: есть ли там на самом деле что добывать в промышленных объемах, а не только для лабораторных анализов – пробуренная скважина, по мнению тех же специалистов, ответа не дала. Но Петрович уже разогнался. А остановить Петровича, когда он разгонится, не в силах никакой встречный бронепоезд.

Он обивал самые высокие пороги: сначала у себя на Севере, потом и в Москве. Из каких только кабинетов его не выпроваживали – с почестями и без оных, а он всё не успокаивался. Во сне ему часто виделась его прекрасная скважина – как бы вся из золота, сверкающая на солнце запорной арматурой, вентилями и фланцами...

Кто-то подсказал ему обратиться или самого надоумило, но однажды оказался он в головном московском офисе того самого геолого-разведочного предприятия, которое пробурвило его мечту. И там, между привычных скитаний по кабинетам, встретился ему симпатичный жизнерадостно улыбающийся человек в годах – Ефимыч. Разговорились о том, о сём. Ефимыч работал в конторе компьютерщиком или айтишником, как сейчас говорят. Давно работал, чуть ли не со дня основания. Разумеется, поделился Петрович и с ним своей проблемой. На лице Ефимыча, пока он его слушал, происходили какие-то странные перемены... Наконец, он на что-то решился и произнёс, как в прорубь вошёл:

- Петрович, уважаемый дорогой Петрович, как бы тебе это сказать, слушай меня внимательно, но, учти: если что - я тебе ничего не говорил, а ты ничего не слышал, хорошо? Вот эти самые бумаги откопированные, которые ты мне показываешь, мне очень даже знакомы. Вызвал меня однажды к себе мой генеральный,

Николай ЕРЁМИН

Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г.

Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и поэтических: «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гуслер», «О тебе и обо мне», «На склоне лет», «Тайны творчества», «Бубен шамана», «От и до», «Кто виноват?», «Владыка слов».

Лауреат премии «Хинган». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А. Некрасова.

А на подходе – молодая смена драматургов, которых нам ещё предстоит открыть! Не верится - сто лет прошло со дня смерти Антона Павловича, а он – как живой говорит с нами языком художественных образов, вечных проблем, неумирающих мыслей и чувств.

Вот почему Золотую маску мы и решили присудить не кому-нибудь, а самому Антону Павловичу Чехову! И храниться она будет у нас, в фонде, в специальной мемориальной комнате, под портретом выдающегося драматурга, как гарант наших совместных будущих проектов.

Решение это чуть было не расстроило нашу труппу.

Но расстройство прошло, когда, следом за Прохоровичем, выступил министр культуры России и объявил, что всем артистам, принявшим участие в фестивале, присуждается звание Народный артист России.

Я первым поздравил Владимир Семёновича и его сверкающую счастьем супругу, в ответ на что он крепко пожал мою руку и произнёс:

- Как называется твоя последняя пьеса?

«Сюда не долетают чайки»?

Приноси. Поставим! Чехов ты наш не-признанный...

не нынешний, а которого уволили уже давно, и говорит: «Надо срочно сочинить скважину, чтобы показать кое-где в контролирующих органах, куда именно деньги потрачены. Органы в курсе, со всеми всё обговорено, но бумаги для списания средств - все равно нужны. Задачу понял? Исполнять.»

Вознаграждение пообещал приличное. А у меня - кредиты, семья, внуки... Сам понимаю. Куда деваться, если начальство требует. Не исполнишь – сожрёт ведь. А где бы я тогда работу нашёл на пятом десятке лет? Везде молодые требуются, старья никому не надо. А я, видишь, до сих пор тружусь, удержался на своем-то месте.

В общем, пришлось мне эту самую скважину «исполнять» от начала до конца. Конечно, не один, подсказками пользовался, советами наших геологических и буровых мудрецов, архивами сходных работ, никому особо не распространяясь - зачем это всё мне надо. Целое искусство. Нужно ведь было сочинить так, что вроде она и пробурена, но толку чтобы с этого не было - как бы по объективным причинам. Короче, создал я эту байду в своем копее, отчеты эти, а уж справки да акты по ним поподписывать где надо – другие людишки нашлись. Ещё с этим мне бегать не хватало.

Что с тобой? Не веришь, что ли? Да я тебе даже на диски могу скачать, или на флешку скинуть, читай, убеждайся. Сейчас-то отошло всё это, да и эта как бы «скважина» – вообще не наша теперь, не числится на нашем балансе, сам знаешь...

Затосковал Петрович, вернулся домой, в церковь сходил душу облегчить, покаяться, батюшку послушать. Водки потом купил, огурцов солёных, капусты квашеной... Сел сам с собой дома на кухне. Разложил всё, хлеба нарезал. Хотел было выпить, да ненароком на икону Божьей Матери взглянул и замер отчего-то со стопкой в руке. Отчего – кто его знает...

Встал он из-за стола, спустился вниз, на улицу, сел в свою старенькую «Ниву», обнял баранку руками, голову на руль опустил... Долго сидел. Джим-то Петрович продал недавно, чтоб с людьми рассчитаться по зарплате, а – эта «старушка» у него всегда была, да и не про-дашь её уже никому, если честно.

Включил зажигание. И поехал потихоньку куда-то. Поначалу – вроде куда глаза глядят, а потом – всё дальше и дальше - определённо на север...

Ту самую скважину в поле искать поехал.

Врёшь ты всё, Ефимыч, компьютёрная твоя душа! Должна быть у человека скважина! Должна быть мечта...

Эльдар АХАДОВ

Скважина

Нет у меня денег, Петрович, нету! Заказчики не перевели до сих пор, вот судиться с ними буду, через арбитраж деньги выбивать. Знаю, что у тебя коллектив, что людям зарплату платить нечем, а что я могу сделать, если мне денег на контору не перевели? Что ты мне коллективом потрясаешь? У тебя коллектив, а у меня только вывеска, бухгалтер да секретарша? Ошибаешься, друг, у меня тут ещё и родственников полно работает. Все по домам сидят, у всех семьи, все есть-пить хотят, а я всю эту ораву у себя устроил, ой, не наступай ты мне на большую мозоль, а!

Ну, если ты так быстро хочешь расчет получить по нашему субординационному договору, если невтерпех тебе ещё годик-два всего подождать, то, давай, я с тобой рассчитаюсь имуществом. Как это: «нет у тебя ничего»? Обижаешь. Ошибаешься, братишка, есть. Нет, нет не стульями, не столом - рассчитываться предлагаю, отнюдь. Ты сейчас услышишь – так с ума сойдешь от радости.

Вот смотри, тут ксерокопии документов, подлинники, ты уж извини, в банке храню. Не будешь смотреть – на словах сказать? Хорошо. Так вот: я тебе официально в первый и единственный раз предлагаю в счет уплаты долгов перед твоим предприятием реальную вещь – скважину! Да, газовая. И нефтяная тоже, и газоконденсатная тоже. Там всё есть. Вся таблица Менделеева, как говорится. Для себя брал, тебе отдаю, вот такой я человек, братан, немеркантильный, как ты тут часто выражаешься. Забей, качай, получай свои нефтедоллары, грабитель. А мне ничего не надо. Да, для себя берег на чёрный день, но раз уж ты такой, раз у тебя коллектив – бери, братан! Я обойдусь! Долг превыше всего! Ты меня знаешь!

Так Сергеич передал Петровичу целую кипу бумаг про скважину. Для изучения вопроса. На прощанье он объяснил, что ему отдало эту скважину тоже за долги одно геологоразведочное предприятие, у которого в связи с кризисом-шмизисом кончилось финансирование. Почему он сам нефть-газ из неё до сих пор не качает? А всё очень даже просто. Скважина пробурена и законсервирована, геологи ведь сами ничего не добывают, они только исследуют недра в пользу государства и науки. Чтобы ввести скважину в эксплуатацию нужно её расконсервировать, мало того, чтобы добыча была прибыльной, нужно вокруг нее набурить таких скважин многие десятки. А это всё деньги. И очень немалые. Это уже целое НГДУ (не-

Украина, г. Днепрпетровск

Сказка о Мальчише-Кибальчише и тайне банковского счета.

В те близкие-близкие годы, когда только что отгремели очередные выборы, жил да был Мальчиш-Кибальчиш. В ту пору глубоко в подполье загнали МВЛ, ...БРР и сорос проклятьем заклеменных коммунистов, и пусто стало на тех полях где когда-то рожь росла да гречиха цвела, а посреди асфальта стоял трехэтажный особнячок, в котором жил Мальчиш, по прозвищу Кибальчиш, да отец-депут, да брат старшой-банкир, а мама жила в Париже.

Отец работает- законы косит. Брат работает- капусту зашибает. Да и сам Мальчиш то отцу подскажет, то брату помогает долги вышибать или просто с другими мальчишами рэкетом занимается.

Гоп... стоп... Хорошо! Не визжит милиция, не грохочет ОМОН, не горят швейцарские банки. Не надо по приказу милиции на пол ложиться, не надо от налоговиков прятаться, не надо от революции за бугор бежать. Нечего ГНл бояться. Нечего налоги платить. Живи да гуляй- хорошая жизнь!

Вот однажды, дело к вечеру - выполз Мальчиш с бутылкой водки на кресло. смотрит он- небо ясное, ветер теплый, солнце за Карпаты садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли бумага шуршит, то ли принтер стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не икрой да водкой, не крабовыми палочками, а пахнет ветер то ли чернилами, то ли тюремными нарами. Сказал он отцу, а отец пьяный приполз.

- Совсем крыша поехала!- буркнул он Мальчишу. - Это самолеты небоскребы в США таранят. Это чеченцы в Москве дома взрывают, рынки крышуют да капусту шинкуют. Иди, Мальчиш, в казино, и гуляй спокойно.

Ушел Мальчиш. Начал гулять. Но не гуляется ему - ну никак не гуляется!

Вдруг слышит он на улице рев мотора, у окон- мат. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у крыльца шестисотый "мерседес". Машина красная, диски серебряные, пиджак малиновый, а мобила золотая.

- Эй, встаете!- крикнул крутой пацан. - Пришла беда откуда не ждали. Наехал на нас Гл вный Налоговик. Опять уже шуршат бумаги, опять уже скрипят перья. Раскидывают взятки чиновникам наши пацаны, и мчатся гонцы звать на помощь далекие Штаты.

Так сказал эти тревожные слова крутой пацан и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к сейфу, вытащил пачку баксов, пересчитал и сунул в карман.

- Что же, - говорит старшему сыну, - я законы круто косил, видно, крутятся тебе много придется. Что же, - говорит Мальчишу, - я жизнь круто прожил, и пожить за меня хорошо, видно тебе, Мальчиш, придется.

Так сказал он, выпил стакан водки и ушел. А много пить ему некогда было, потому что теперь уже всем хорошо и видно и слышно было, как лопаются банки и горят синим пламенем нетрудовые сбережения.

День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать еще американского президента. Залезет Мальчиш в интернет. Весь день не вылезает. Нет, ничего не узнать. Пошел он в казино гулять. Вдруг слышит он на улице рев мотора, у окошкостук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же крутой пацан. Только "мерседес" побитый да поцарапанный, только диски потускнели, только малиновый пиджак грязный, мобила разбита, в карманах дыры.

-Эй, встаете!- крикнул крутой пацан. - Было полбеда, теперь кругом беда. Много чиновников, да мало наших. В кабинетах чернила лужами, по пацанам циркуляры пачками. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

- Прощай, Мальчиш... Остаешься ты без крыши... Баксы в сейфе, рестораны в кайфе, водка в ларьках, а голова на плечах... Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш в ресторане, и видит Мальчиш, что едет издадека незнакомый "опель".

Доехал "опель" до Мльчиш, вылез банкир. И сказал банкир:

- Дайте мне, хороший Мальчиш, бутылку водки. Я три дня не пил, три ночи не спал, три банка лопнул. Узнали Штаты про нашу беду. Затрубил компромат на всю катушку. Забили журналисты во все СМИ. Завернул американский президент всю помощь. Мчитсся сюда на подмогу. Только бы нам, Мальчиш, до новых выборов продержаться.

Слез Мальчиш с крыльца и принес бутылку. Вылакал водку банкир и помчался дальше.

Вот приходит вечер, и пошел Мальчиш гулять. Но не гуляется Мальчишу. Ну, какое тут веселье?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка - шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же крутой пацан. Тот, да не тот: и "мерседеса" нет - конфисковали "мерседес", и пиджака нет- забрали пиджак, да и сам-то стоит - нищий.

- Эй, вставайте! - закричал он в последний раз. - И баксы есть, да пацаны за решеткой. И банки есть, да банкиры в Штатах. И помощь близка, да сил нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять, да до выборов продержаться. Заглянул Мальчиш- Кибальчиш в ресторан: пустые столики. Не гремит музыка, не бегают официанты - некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли - никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из подвала один старый урка во сто лет. Хотел урка пачку баксов поднять, да такой он слабый, что не поднимет. Сел тогда урка на крыльцо, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш н улицу и громко-громко крикнул:

- Эй же, вы, мальчиши, мальчишима-малыши! Или нам, мальчишам, только в кабаках гулять да лохов бомбить? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтобы чиновники пришли и забрали нас в свое проклятое правовое государство?

Как услышали такие слова мальчишима-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень ск ачет.

Все хотят идти н подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел заплатить налоги и спать в парке на скамейке. Но такой был глупый этот Плохиш, что никому ничего он не сказал, а затянул ремень и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это налоговикам помочь. И видит Плохиш, что лежит в подвале громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные кассеты, белые документы, да желтая пресса. "Эге, - подумал Плохиш, - вот это мне и нужно".

А в это время спрашивает Главный Налоговик у своих чиновников:

- Ну что, чиновники, добились вы победы?

- Нет, Главный Налоговик, - отвечают чиновники, - мы отцов и братьев посадили, и совсем был наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Налоговик, и закричал он грозным голосом:

- Может ли быть, чтобы вы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные мздоимцы! Как это вы не можете посадить такого малого? Бегите скорее и без победы не возвращаетесь!

Вот сидят чиновники и думают, что же такого им сделать плохого? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

- Радуйтесь!- кричит он им. - Это все я, Плохиш, сделал. Я "клопа" зарядил, я документы одолжил, и отправил оппозиции черные кассеты, белые документы. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда чиновники, дали Мальчишу-Плохишу почетное гражданство и целую кучу налоговых деклараций да бочку чернил!

Платит Мальчиш-Плохиш и спит спокойно.

Вдруг как ударили компроматом СМИ! И так грохнули, будто бы снова 11 сентября повторилось.

- Измена!- крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

- Измена!- крикнули все его верные пацаны.

Но тут из-за дыма без огня налетел ОМОН, и скрутил и схватил он Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в наручники. Посадили Мальчиша в одиночную камеру. И помчались спрашивать, что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Нало-

говик делать? Долго думал Главный Налоговик, а потом придумал и сказал:

- Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам про все тайные банковские счета. Вы идите, чиновники, и спросите у него:

- Отчего, Мальчиш, бились с теневой экономикой советская власть да Демократическое правительство, бились, бились, да только сами разбились?

- Отчего, Мальчиш, все тюрьмы полны, и все места в парламенте заняты, и штаты милиции увеличены, и все чиновники на ногах, а нет нам бюджета ни в светлый день, ни в темную ночь?

- Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем демократическом государстве, и в другом - Рыночном королевстве, и в третьем - военной Диктатуре, и в четвертом - Просвещенной Монархии в тот же день, в раннюю весну, и в тот же день в позднюю осень н разных языках, но те же липовые декларации о доходах заполняют, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, чиновники:

- Нет ли, Мальчиш, у теневой экономики банковских счетов?

И пусть он скажет, где.

- Нет ли у нашей мафии заокеанской помощи?

И пусть он расскажет, какая.

- Нет ли, Мальчиш, тайного хода из нашей страны во все другие страны, по которому как у нас украдут, так у них счета в банках пополняются, как у нас запоят, так у них подхватывают, что у нас скажут, над тем у них парламентские дебаты начинаются?

Ушли чиновники, да скоро назад вернулись:

- Нет, Главный Налоговик, не открыл нам Мальчиш тайных счетов. Рассмеялся он нам в лицо.

- Есть, - говорит он, - и миллиардные счета в швецарских банках. И сколько бы вы не проводили операций "чистые руки", не будет вам бюджета.

- Есть, - говорит, - и американская помощь, и сколько бы в тюрьмы не кидали, все равно не перекидаете, и не будет вам бюджет ни в светлый день, ни в темную ночь.

- Есть, - говорит, - и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не наедете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, чиновникам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, вовек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Налоговик и говорит:

- Читайте же, чиновники, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу "Сказку о налогах" днем и ночью, и выпытайте, у него номера счетов, потому что не будет вам ни дач, ни оклады без этой тайны.

Ушли чиновники, вернулись теперь они не скоро.

Идут и головами покачивают.

- Нет, - говорят они, - начальник наш Главный Налоговик. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не открыл он нам номера счетов, потому что такой жадный. А потом приложил ухо к холодному камню пола, и улыбнулся, что поняли мы - прокатят нас на выборах.

- Что же это за страна? - воскликнул тогда удивленный Главный Налоговик. - Что же это за непонятная страна, в которой даже малыши такие жадные? Торопитесь же, чиновники, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте наши СМИ, заказывайте политическую рекламу, потому что слышу, как трубят тревогу да строчат отчеты исследователи общественного мнения. Видно будет у нас не просто плохой рейтинг, а большой пролет.

И пронеслась предвыборная кампания, запенились мутные потоки компромата, откликнулись тысячи голосов мирового общественного мнения.

И в страхе бежал Главный Налоговик, громко проклиная эту страну с ее жадным народом, теневой экономикой и зарубежными банковскими счетами.

А Мальчиша-Кибальчиша посадили в центральную тюрьму. И опубликовали фотографии на первых стр ницах всех газет.

Плывут деньги сороса - привет Мальчишу!

Пролетает экономика - привет Мальчишу!

Пробегут банкиры - привет Мальчишу!

А проедут рэкитеры - салют Мальчишу!

Вадим АРЖАНОВ

Анна Клен

Настоящая фамилия Коробская
Анна родилась в 1981 г. в г. Желтые
Воды. С детства пишет стихи.

* * *

**Жизнь,
Матушка твоя.
Жизнь.
То сказка, то беда.
Жизнь!
Последнее слово в стихе -
Жизнь.
Серьезная ссора в семье -
Жизнь.
То песня, то проза -
Жизнь.
И вот тебе за сорок.
Жизнь.
А вроде молодой, но староват.
Жизнь.
Уже воспитываешь внучат.
Жизнь.
Опять кроватька у окна -
Жизнь.
Читаешь сказку до темна -
Жизнь.
А вот и смерть твоя.
Конец житья.**

* * *

**Жизнь что дорога
В чужой стороне:
Со страхом в глазах,
Но рвением в душе.**

**Где поворот -
Измена судьбы.
Направо - смирение,
Налево - мольбы.**

**Остановиться
Нельзя никому:
После найдут
Усопшим в гробу.**

**Может и после
Есть жизни тропы,
Но никому
Не известна она.**

* * *

**Блажится пруд
В моем саду!
Окутан мхом
И белым кленом.**

**Последний лист
Пошел ко дну.
Что происходит
Год за годом?**

**Вновь сад
Наполнился огнем,
Пылает весь
В огнях рубина**

**Лишь изумруда
Мало в нем,
Но как пылает,
Жжет рябина!**

**Пропал куда то
Вновь ковер,
Весь сотканый
Весной вручную**

**На черной глади
Не найти
Ту красоту былую**

**Курлычит кто-то
На пруду
Бродяга лебедь,
Но без пары**

**Ему теперь
Вода лишь дом.
А небеса и ветер
Златы.**

**Идет тоскливо,
Неспеша
Все крася
Златом и рубином
Та одинокая пора,
Что сводит души
Воедино.**

7-й семинар молодых писателей, пишущих для детей

14-18 июня в государственном музее-заповеднике А.П.Чехова «Мелихово», в г.Чехов (Московская область) и детском оздоровительном пансионате «Звёздочка» прошёл Седьмой семинар молодых авторов, пишущих для детей.

Предыдущие семинары проходили в литературных музеях в Переделкино, Ясной Поляне, Спасском-Лутовинове, Тарханах, Старой Руссе (с каждым из этих мест связаны творческие судьбы великих русских писателей – Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.Ю.Лермонтова, И.А.Тургенева и др.)

Из большого числа кандидатов были отобраны 20 детских писателей, которых пригласили на семинар. Так я познакомился с замечательными молодыми писателями из разных стран: Финляндии, Австрии, Белоруссии, Казахстана, Украины (представлена в моем лице) и многих областей России.

Я с нетерпением ждал встречи с себе подобными. С первого дня между нами сложились самые теплые и доверительные отношения. Мы чувствовали себя одной семьей. Как и в любой семье, конечно, не обошлось без выяснений отношений, но не пугайтесь, все осталось живым.

На семинаре я смог лично познакомиться с настоящими мастерами, известными детскими писателями Эдуардом Успенским и Валерием Воскобойниковым. Которые читали нам лекции и проводили мастер-классы.

На мастер-классах много внимания отводилось обсуждению актуальных проблем,

связанных как с современной литературой, так и состоянием именно литературы детской – в эпоху Интернета и высоких технологий. Этой проблематике было посвящено и вступительное слово президента фонда СЭИП Сергея Филатова, и выступление известной телеведущей и детского психолога Элеоноры Филиной.

В век небывалого разнообразия медиаресурсов автор уже не может не задумываться над новыми формами продвижения своего творчества к юному читателю. Дети и подростки в 21 веке воспринимают реальность уже на совершенно других скоростях, нежели их родители. Прогресс не стоит на месте, сейчас, кроме привычных нам книг, появились аудиокниги, есть детские сайты, на которых можно найти много интересного. Такие как: www.little-tales.ru, www.brixbrum.ru, detgazeta.ru. Так же очень важно почаще устраивать выступления писателей перед юными зрителями, чтобы своим примером воспитывать в детях любовь к литературе.

Все приехавшие на семинар молодые писатели оказались мастерами своего дела. Однако учиться никогда не поздно и всегда полезно. И мы учились, когда показывали сильные и слабые стороны наших произведений. Зачастую очень трудно слышать о недостатках своего детища. Но в спорах рождается истина. И мы спорили.

Также в рамках семинара была предусмотрена экскурсионная программа. Сказать, что она была насыщенная – значит ничего не

сказать. Мы посетили чеховскую усадьбу Мелихово, музей-усадьбу Лопасня-Зачатьевское (некогда принадлежавшую потомкам А.С.Пушкина), музей писем А.П.Чехова (восстановленный на месте открытого писателем почтового отделения), музей литературных героев Чехова и русского быта (в помещении одной из трех открытых им школ), Вознесенскую Давидову пустынь, основанную в 1515 году преподобным Давидом и Святой источник, находящийся в подворье пустыни – в деревне Талеж. А на четвертый день нам был представлен спектакль по рассказам Антона Павловича в театральном центре мелиховского музея.

Были встречи с читателями в одной из школ города Чехова и в пионерском лагере. Впервые в жизни я участвовал в гала-концерте детских писателей. Каждый из приехавших на семинар уже довольно опытен в выступлениях перед детской аудиторией, звучали лучшие произведения и шутки. Думаю, дети запомнят нашу встречу. Было очень весело.

По вечерам, в неформальной обстановке мы общались за чашкой чая. Читали вслух, спорили, шутили, пели песни, играли. А вы думаете, чем занимаются писатели в пионерском лагере? В первый такой вечер было принято решение устроить семинар в семинаре. Путем жеребьевки выбрали тему, на которую каждый должен был к следующему вечеру написать произведение. Это было непросто еще и потому, что плотная программа семинара не

предусматривала свободного времени в течение дня. Однако с задачей все справились на отлично, и даже никто не повторился.

Пять дней пролетели как один. Уезжать ужасно не хотелось. На прощание обнимались и чуть не плакали. Ведь разъедемся в разные стороны, по всему континенту, и общаться будем только в Интернете.

Но впереди – новые семинары и новые проекты фонда СЭИП, ближайшим из которых будет ежегодный форум молодых писателей в Липках. Планируется проведение подобных семинаров и на территории Украины. Так что мы еще встретимся. Обязательно встретимся!

Юрий ПУСОВ

Костя Тищенко

Друг мой

Друг мой ласковый,
друг мой искренний,
Ты идешь по дороге один.
Сам себе и судья, и истина,
Сам суровый себе господин.

Улыбаешься взорам неистовым,
Что глядят на тебя из лесов.
Так мы встретились – две искорки
В полумьях вековых костров.

А вокруг уже осень стелется,
Отправляя в земной тлен
Золотых кораблей парусы
В шелестом расшитой гобелен.

Ты рожден с головою светлою
Под неведомой ночи звездой
И лучом, словно мелом, начертана
Книга судеб твоею рукой.

Что за думы витают воронами?
Дай мне силы, чтоб их прочесть.
На заре я водой родниковую
Смою ночь с золотых небес.

Быть тебе я хочу попугайчиком
На извилистых тропах степи,
На плечах громовые тучи
По небесному тракту нести.

Да возможно ли более искренне
Полюбить человека суть,
Как любил ты, не требуя искупу,
Всех, кто выбрали добрый путь!

Пролечу пьяным ветром неистовым
Над твоею шальной головой
И взьерошу соломенны волосы
Незаметной, но верной рукой.
Напивайся же вдоволь мной!

Ирония судеб

Дым пуская в глаза –
Это нравится многим,
Я не знаю, откуда возникла слеза,
Навернулась. По скользкой дороге.
Не боясь оступиться,
И снова под жарким дыханьем.
Кто-то шепчет: Любовь –
Это пройденное расстояние.
Мне так хочется верить!
Надежду вселяет разлука.
Беспокойное племя
Так любит отплясывать в муках.
Где агония разума правит унынием
будней.
В чьей-то щелочке глаз я сужу об
иронии судеб.

Невпопад

Белый халат
Смотрит мне в душу
сквозь стеклышко.
Бьет невпопад.
Хочет лишить меня солнышка.
Мне хорошо –
Я на краю в преисподнюю.
И нагишом
Бегаю в поисках зернышка,
Что прорастет.
Истины стебель колышется.
Время не ждет.
Или мне только послышался
Голос любви,
Плач, детский смех,
гром от выстрела.
Вам не понять –
А одному легче дышится.

Не сделал шаг

Не сделал шаг
Ни в пропасть, ни к тебе.
Пусть я твой враг
В сознании людей
Привычных жить,
Веками накопив,
Излишний стыд.
Себя же им покрыв.

А ночь черна
Улыбкою звезд.
Сомкнется мгла
Над голосом седым.
Но кто-то вспомнит
И, держа рукой,
Крича, напомнит
Долг перед судьбой.
Не даст шагнуть.
А море так звало
Орлом вспорхнуть!
Мне вновь не повезло.
Но та слеза,
Что упадет со мной,
Страшнее счастья
Обрести покой.

Летит искра.
Ловлю ее рукой.
Ты слишком близко
Чтобы быть со мной.
И вихри снега –
Снова седина.
А может пепла.
В чем моя вина?
Не сделал шаг.
Безмолвен при луне.
То был не страх,
А совесть, что во мне
Сказала: «Жди.
Ты нужен и любим»
Глаза закрыв
Я остаюсь один
Во многих лицах.
Пусть. Такой удел.
В горящих мыслях
Полный беспредел.
И только взгляд,
Что вечно предо мной,
Приносит радость
В душу и покой.

Аня Малиночка

* * *

Не вини никого
За безрадостность глаз,
За отсутствие раннего лета,
Что в окошках слюда
Вместо стекол,
И фонари
Вместо ясного чистого света.
Не виновен никто:
И не ты, и не я...
Только знаешь,
Мой милый попутчик,
В синем небе плывет
Золотая ладья,
Голос слышится
Тихий, певучий.
Это видевший раз
Знает все теперь сам.
Дай же мне ты,
Любовь моя, руку –
Мы с тобой теперь
Сопричастны навек небесам
И не верим в фальшивые звуки.

* * *

Дети играют
И знают,
Что Солнце взойдет.
Дети играют
Не знают,
Что время
Идет.
Что пространство
Кривое,
Луч света
Прерывист,
То что голос Любви
Часто резок, отрывист,
Что вопрос не всегда
Это поиск ответа,
Ну а в осени –
Привкус грядущего лета

Константин Вуколов

Мне немало лет, 61. Писать начал семь лет назад. Выпустил самиздатом десяток сборников, публиковался в толстом журнале «Бельские просторы» (Уфа), газете «Истоки», в городской газете «Стерлитамакский рабочий» уже семь лет ежемесячно на литературной странице, в других газетах. В 2009 году принят в Союз писателей России. Очень много лет (35) работаю в Стерлитамакском колледже строительства, экономики и права, из них 21 год был директором, сейчас заместитель.

Снегириная зоря

Пятна ало- розовой зари
Возле сердца носят снегири.

Яркий, удивительный наряд
Птицы, как сокровища, хранят,

А потом, тепло придёт когда,
Разольётся талая вода,

Улетят за дальние леса,
Чтобы стать зарёй на небесах.

Такая она, Иванова!

Не верите? Честное слово,
Житья не даёт Иванова!
Вчера на уроке толкнула,
Я чуть не свалился со стула.

По лбу звезданула пеналом.
Кому- то покажется мало?
Списать не дала на контрольной,
От этого, ладно, не больно.

А после уроков- продлёнка.
Весь день рядом эта девчонка.
Со мной она очень сурова,
Когда посмотрю на Орлову.

Облако-Овечка, Облако-Барашек...

Облако- Барашек,
Облако- Овечка
Плыли в летнем небе
Над горой и речкой.

Любовались полем,
Белизной ромашек
Облако- Овечка,
Облако- Барашек.

Облако- Овечка
Думало: «Всех краше
И белее снега
Облако- Барашек!»

А тому казалось,
Нет его счастливей:
«Облако-Овечка
Всех других красивей!»

Облакам мечталось,
Будут вместе вечно...
Грозовая туча
Мчалась им навстречу.

Расписала злая
Самой чёрной краской
Облако- Овечку,
Облако- Барашка.

На неё похоже лето...

Девочкой из города
На селе любят,ся,
Скромною и гордою.
Рядом с ней на улице

Лето разноцветное
С загорелой кожей,
Всё такое светлое,
На неё похожее.

Подарю ей в рощице
Россыпь земляничную,
Дали, где полощутся
Сполохи зарничные,

Все красоты местные,
Пруд, рыбалку знатную.
Странность интересная:
С гостей быть приятно мне.

Солнце меднотазое
В ночь устало валится,
Видит, что ни разу мне
Так никто не нравился.

Тучи заворочались,
Чёрные с прорехами.
Лето вдруг закончилось...

Девочка уехала...

Александр Либерман

КОТ и ЗОНТ

Мы пошли гулять с котом.

Я с зонтом,

И кот с зонтом!

Хлынул ливень, как поток,

Я намок,

И кот намок.

Зонтик из последних сил

Я раскрыл,

И кот раскрыл.

Вдруг случился Зонтолёт!

Я в полёт,

И кот в полёт!

Между туч летят зонты,

А на них

Висят коты!

Я устал,

И кот устал.

Ветер силу потерял.

Зонт тихонько вниз летит

Я парю,

И кот парит.

Мы спустились в огород.

Я пою,

И кот поёт!

Так летали мы с котом,

Я с зонтом,

И кот с зонтом.

Ирина Морозова

МАМА-НОЧЬ

На кошачьих мягких лапках
Ночь тихонечко вошла,
Убрала с дороги тапки,
Мишку с пола подняла,

Подоткнула одеяло,
Чтоб удобней было спать,
И меня поцеловала,
Оперевшись на кровать,

Дверь тихонько затворила,
Улыбнулась в тишине...
«Это мама приходила!»-
Догадалась я во сне.

Мальчик, девочка и флейта

Марочкины переехали в новый дом летом, и самым волнительным это событие стало, как ни странно, для Марочкина младшего – Саньки.

Родителям-то что! Единственная перемена для них – другое место жительства, а у Саньки, можно сказать, переменялась вся жизнь. Его ждали не только новая квартира, но и новый двор, и новая школа. В общем, коренным образом менялись все составляющие его двенадцатилетней жизни.

Только, оказалось, Санька зря так сильно переживал. И с ребятами во дворе он легко подружился, и класс ему достался хороший. А один из его одноклассников, вечно спешащий куда-то Ленчик Сидоров, даже жил с Марочкиными в одном парадном, только на другом этаже, на самом верхнем – десятом.

Десять этажей, на каждом по четыре квартиры. Представляете, сколько соседей! Некоторых из них Санька за месяц так и не встретил. Даже соседку из квартиры напротив он до сих пор не видел. Зато однажды он ее услышал.

На улице лил дождь, ни о каких прогулках и думать не приходилось, родители были на работе, и Санька сидел дома один. Сам себя развлекал. Сначала поиграл на компьютере, потом немного побездельничал, несколько раз подходил к окну, проверяя, не закончился ли дождик. Наконец, решил отправиться в гостиную и посмотреть телевизор, но только сделал шаг к двери...

Откуда-то из далекого далека, даже не сразу поймешь, раздался тоненький вздох, певучий и нежный. За ним еще один, чуть выше и громче.

Санька замер. А звуки уже лились беспрерывной чередой, все выше и выше, будто неторопливо взбирались по ступенькам. Вот они замерли на самой верхней и, наверное, о чем-то вспомнив, зашпешили назад, вниз. Опять поднялись наверх, а затем – снова вниз. И так несколько раз. Видимо, дорожка, по которой шли звуки, была не гладкой, а холмистой, может даже, горной.

Санька догадался, что всего-навсего слышит, как кто-то за стеной играет гаммы. До-ре-ми-фа- соль-ля-си. Си-ля-соль-фа-ми-ре-до. Но инструмент по голосу он узнать не мог, только понимал – это не пианино, не гитара, не скрипка. А что? Что-то маленькое, хрупкое, звенящее, умеющее петь плавно, тонко, нежно.

Санька так и стоял посреди комнаты и слушал, слушал, а из-за стены лилась мелодия, грустная, пронзительная, пробирающая до самой... (что же там находится в глубине обычного человеческого туловища?)... души. Она легко проникла сквозь отштукатуренный и обклеенный обоями кирпич, словно не существовало никаких преград, она металась от стены к окну, беспрепятственно вырывалась на улицу и освободженно летела дальше, к высокому плачущему небу.

Санька даже не заметил, как вернулась с работы мама. А та, поискав сына в непривычно безмолвной квартире, направилась к нему в комнату, и тоже застыла, едва переступив порог.

- Ой, Санек! Красота-то какая! – восхищенно выдохнула она. – И на концерт ходить не надо.

Услышав ее слова, неизвестный инструмент смущенно умолк.

Конечно, получилось совершенно случайно, что мелодия закончилась именно в этот момент, но Санька почему-то верил, что волшебные звуки не только сами раздавались, но еще и слышали, и чувствовали тех, кто находился под их воздействием.

- Мам! Что это? – изумленно поинтересовался мальчик.

- Кажется, флейта, - предположила мама. – Говорили, девочка из квартиры напротив занимается музыкой. Видимо, это она.

Девочка из квартиры напротив? Санька даже не знал, что там живет девочка!

Он задумчиво опустился на стул. Какой же она должна быть, если так необыкновенно играет?

Наверное, она очень красивая.

Никогда раньше Санька не размышлял о том, как должна выглядеть «очень красивая девочка». Подобные мысли он считал глупостью, не мальчишеским делом, и понапрасну не тратил на них время. Но отзвуки волшебной мелодии все еще витали вокруг него, пробуждая непривычные образы.

Так могла играть только настоящая принцесса.

Конечно, немного глупо и наивно в десять лет говорить о принцессах, но именно это слово в первую очередь приходило на ум.

Прекрасная принцесса, с длинными золотыми волосами и огромными голубыми глазами. Она стояла возле окна и держала в руках волшебную серебряную флейту. И слушала, как дождь за окном продолжает тихо выстукивать исполненную ею мелодию. Тихо-тихо. И все тише, тише, тише... И вот уже последняя капля прощально скользит по стеклу, и тучи расступаются, открывая глазам чистое синее небо и ясное солнце. И миллионы лучей радостно устремляются к земле, к деревьям, к цветам, к промокшим домам, и вспыхивают искрами в огромных голубых глазах.

Флейта пела за стеной почти каждый день, а вот увидеть играющую на ней девочку Саньке долго не удавалось.

В школе он невольно выделял из толпы самых красивых девчонок, предполагая, что какая-нибудь из них окажется его соседкой. Он придирчиво всматривался в симпатичные лица и решал

про себя: «Нет, не она. Не она. Или все-таки...».

Наконец он не выдержал и аккуратно поинтересовался у вездесущего Ленчика, знаком ли тот с его соседкой. В ответ Ленчик почему-то ехидно ухмыльнулся, но признался:

- Конечно, знаком! Ее Нинкой зовут. Только она в другой школе учится. – И в свою очередь спросил: - Ты что, ее ни разу не видел? – Затем, снова ухмыльнувшись, добавил: - Оно, может, и к лучшему.

Санька не понял, что обозначают его последние слова, но уточнять не стал, тут же о них забыл, а вспомнил лишь, когда однажды...

Он выходил из квартиры и вдруг заметил, что дверь напротив тоже приоткрылась.

На мгновенье Санька перестал дышать. Он торопливо шагнул назад, укрылся за стеной и устремил растерянный взгляд в узкую щель, которую оставил между дверью и косяком. А из квартиры напротив вышла девочка. Та самая Нина. Ошибиться было невозможно, потому как она держала в руках продолговатый черный футляр, в котором, несомненно, скрывалась ее волшебная серебряная флейта.

Санькины щеки вспыхнули румянцем, он одновременно испытал и стыд, и горечь, и злость. А еще ему расхотелось куда бы то ни было идти, захотелось остаться в квартире и больше никого не видеть.

Нина оказалась высокой и тощей, как макароны. Ноги, словно спички. Выпирающие угловатые коленки. Волосы, тусклые и белые, гладко зачесанные в жидкий хвостик. И в остальном девочка была вся какая-то бесцветная. Бледное лицо. Блеклые глаза. То ли голубые, то ли серые. А брови и ресницы такие светлые, что их совершенно не было заметно.

Не подозревая о том, что за ней наблюдают, Нина захлопнула дверь и спокойно направилась к лифту, а Санька еще какое-то время стоял в прихожей, смотрел в пол и старался ни о чем не думать. И, в очередной раз услышав за стеной флейту, он просто заткнул уши и ушел из комнаты.

Мелодия рванулась за ним, попросила жалобно, на последнем осязаемом вздохе: «Останься! Услышь меня!»

Санька упрямо мотнул головой, стараясь избавиться от стоявшего перед глазами образа соседской Нины. И тот послушно растаял, развеянный прекрасной мелодией.

Флейта пела, переноса Саньку в весенний лес, в котором с особенным звоном лопались почки, тихонько шелестя, распускаясь листья, и птицы пробовали свои голоса, представляя на суд слушателей, сочиненные за зиму песни.

Сентябрь радовал теплыми солнечными денечками, и малышки не теряли времени даром.

Ленчик предложил сыграть в футбол, и приятели встретились возле санькиной квартиры, вместе спустились на лифте до первого этажа. Но не успели они далеко отойти от подъезда, как увидели идущую навстречу Нину с неизменным продолговатым футляром в руках.

Ленчик повернулся к Саньке и сказал вроде бы исключительно для него, но так, что было слышно почти на весь двор:

- А вот и Ниночка! Раскрасавица наша!

Девочка промолчала, только опустила голову и прибавила шагу, проходя мимо малышек. А Ленчик довольно ухмыльнулся, обернулся ей вслед и, не удержавшись, крикнул:

- Страшилка!

И обратился к Саньке.

- Правда ведь, настоящая страшилка?

Санька угрюмо посмотрел на него и неожиданно для себя произнес:

- Не смей называть ее «страшилкой»!

- Почему? – искренне удивился Ленчик и пустился в бесхитростные объяснения: - Она ведь и вправду страшная. Посмотри! Ножки, как спички! Того и гляди передомаятся.

- Не смей! – оборвал его Санька, чувствуя, как щеки заливаются румянцем стыда.

Но Ленчик не понимал, отчего приятель сердится, отчего грозно наступает на него.

- Ты чего, Сань? Чего ты за нее заступаешься?

И тут ему в голову пришло подходящее объяснение.

- Ты чего, в нее влюбился?

Губы Ленчика начали растягиваться в привычную ухмылку.

- Не смей! – отчаянно повторил Санька и изо всех сил толкнул приятеля в грудь.

Стараясь сохранить равновесие, Ленчик сделал шаг назад, но, налетев на край песочницы, с размаху усеялся в оставшиеся со вчерашнего вечера малышовские куличики.

- Ты чего, Сань? - Он даже не пытался подняться, сидел в песке и смотрел на Саньку крупными от удивления глазами. - Ты совсем, да?

Тот ничего не сказал, развернулся и зашагал к дому.

- А как же футбол? – растерянно выкрикнул Ленчик ему в спину.

Но Санька даже не обернулся.

Из-за стены доносилась мелодия. Она была веселой, жизнерадостной, она звала за собой. И Саньке представлялось, как у окна стоит прекрасная принцесса с длинными золотыми волосами, огромными голубыми глазами и держит в руках волшебную серебряную флейту.

Эльвира СМЕЛИК

МОРАЛИЗМЫ (АВТОМОБИЛИЗМЫ)

- *Автомобиль не роскошь, а средство стояния в пробках
- *Если не уверен, что машина не полицейская - не обгоняй.
- *Женщины живут дольше мужчин потому, что реже садятся за руль.
- *Женщина мечтает, чтобы муж ухаживал за ней качественнее, чем за автомобилем.
- *Если вечный двигатель отдать в авто-мастерскую, больше он вечным не будет.
- *Дорожный травматизм - следствие слишком быстрой езды, или слишком медленной ходьбы.
- *Жизнь - дорогая длинная, если скорость не превышать.
- *Красный свет - условное препятствие по пути на тот свет.
- *На загазованность улиц сетуют, пока сами не садятся за руль.
- *Он не расстается со своим мотоциклом - даже в ремонт попадает вместе с ним.
- *Одностороннее движение - когда в тебя врезаются со стороны багажника.
- *Пробки на дорогах удобны - на них ссылаешься, систематически опаздывая на работу.
- *У автомобилиста больше возможностей повидать свет - и этот и тот.
- *Угонщики автомобилей подобны “волкам-санитарам леса”.
- *Что мир тесен, убеждаешься в поисках места для припарковки.
- *Там где кончается асфальт, открывается дорога в автомастерские.
- *”Дураки и дороги”...Но еще хуже- дураки на дорогах.
- *Поэт-автомобилист и Пегаса за “пежо” охотно отдаст.
- *Самым экологически чистым и безопасным транспортом владеют ведьмы.
- *Из всех правил, самые нарушаемые - “Правила уличного движения”.
- *Не сотвори себе кумира из автомобиля твоего!

Илья ГЕРЧИКОВ
Израиль

Глава 1. Без Хрю (Зазаабсурдые)

Точилка для воды

Буратино мечтал заняться подводным плаванием, но у него не получалось. Инструктор сказал, что нос слишком длинный.

Резонанс строк

- Судя по линии снега, тут описана Какая-то перекошенная виртуальность И слишком прямая реальность, - Прочитал, глядя на листок с многоточиями, Ученый Пинг Винг и мокнул листок в снег еще раз.
- Форма некруглая, нелепица какая-то, - Глядя на сугроб с отпечатками листка решил Снеговик.
- Может, поднести этот листочек ко льду и посмотреть, что отразится? – предложило Эхо.
Но подул ветер, листочек выскользнул и улетел.
- А ветру-то листок зачем, он же не умеет читать, - Удивился Пинг Винг.
- Не умеет, - подтвердило Эхо.

Легенда о дереве

Однажды одно распытье превратилось в дерево. Потомки этого дерева со временем образовали лес. Легенда гласит, что, если люди будут плохо молиться, лес этот может обратно превратится в распыття.

Прямолинейность

В этом круге где-то есть угол.
- Найди.
- И найду!

Бумажные беглецы

- Слушай, писатель! Что ты вообще имел в виду?
- Даже не знаю, надо спросить у моих персонажей.
- А я думала, это ты сочинил.

- Да, но, оказавшись «на бумаге», герои стали жить своей жизнью и думать посвоему. Им уже нет дела до того, что я в них вкладывал.

Снеговик

- Слушай, Снеговик, что ты делаешь летом?
- А что такое лето?
- Время, когда растет морковка.
- Морковкой почему-то называют мой нос, но он не растет.
Ты, вообще, где живешь? Элементарных вещей не понимаешь.
- А ты, я уверен, не знаешь, что такое снег.

Неодарвинисты (разговор двух обезьян)

- Ты веришь в чудо?
- Нет.
- А мне рассказывали, что мы произошли от людей.
- Не, вряд ли, живут они как-то потупому, даже бананы не с той стороны чистят.
- Ну да, действительно, есть мнение, что раз за последние 100 лет ни одна обезьяна не деградировала в человека, значит это в принципе невозможно.
- Ты веришь в чудо?
- Нет.

А я верю, что люди когда-нибудь обрат-но станут обезьянами!

Взаимность

- Ты кто?
- Пастух облаков.
- Ты можешь нарисовать дождь зимой?
- Могу, но зачем?
- Ладно, не надо. Сделай так, чтобы в одной капле дождя сконцентрировался весь мир!
Для этого не нужно ничего делать. Каждая капля - это вселенная...
- А можно, я тоже буду пастухом облаков?
- Конечно...

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ
Германия

Вячеслав Омский

«Я вижу звук и тишину...»
А. Кутилов

Поэт

Ты жарких пушкинских кровей,
Хотя в тебе ни грамма барства.
Ты не потомок королей,
В иных краях имел бы царства...

Ты видел звук и тишину.
Отдал полжизни антимиру.
Над злом коварным в вышину,
Как крест святой, ты поднял лиру!

Поэт и смерть

Лёгким ветерком и звуком нежным
Мир сузился до малой точки «я».
Саваном накрыло белоснежным,
Я оставлял пространство бытия...

По краю искры пролетели где -то,
Сковал железо непомерный страх,
Я вспомнил вдруг, уже я видел это,
Так бунтари горели на кострах...

«Не сотвори себе кумира,
не укради и не убей...»
Забыто всё, и только лира
Стоит на страже тех идей.

Течёт неслышно время в Лету,
Снимает спелые плоды.
Ярмо эпохи – дань поэту,
Рисует тяжкие труды...

Аркадию Кутилову

Культурный слой в народе с постоянством
Из века в век приход ПОЭТА ждёт.
А он придёт в залатанном убранстве.
Придёт как Бог, никто не узнаёт...

Не надо слов, не надо песнопений.
Вокруг нас жизнь - «святая простота»,
Прочти стихи и ясно: автор - гений,
Неважно, что поддёвочка не та!...

«Свинцовые мерзости»

Захожу в подъезд, как в крематорий,
а живёт здесь вроде чинный люд.
Стены в криптах из чужих историй,
на площадке след вчерашних блюд.

На втором - подобие сортира,
выше - склад из битого стекла.
Здесь одна «весёлая» квартира
«барабашку» нынче извлекла...

Всюду «радость» из пивных бутылок,
из окурков, банок и шприцов,
и рискует честный мой затылок
стать мишенью местных молодцов.

Неужели всё это навеки?
Можно жить, и можно, не любя?
Чтоб так жили люди - человеки,
как же надо потерять себя?!

«Стихи мои, грехи мои святые...»
А. Кутилов

Из чего рождаются стихи?!

Из чего рождаются стихи?
Думаю, порой не знаем сами,
Но стихи, конечно, не грехи,
То, что свято, не зовут грехами!..

Из чего рождаются? Да вот,
Всё, что здесь лежит под сапогами,
Из земли. Из думы наперёд,
Что же завтра? Что же будет с нами?

Часто в теме ходят облака,
В теме часто милые улыбки,
Гонит ветер пыль издалека,
А в тетради школьные ошибки.

Жанна Д,Арк, и Цезарь, и Платон,
С ними тоже можем мы сдружиться.
Любопытны Кромвель и Атон,
И случайно могут пригодиться.

Из чего рождаются, вопрос?
Из забот, из глупости и лени,
Из того, что тащит жизнь в разнос,
И порою ставит на колени.

Из волнений, трепета и слёз,
Из простых душевных катаклизмов,
Из больших и малых летних гроз,
Из зачем-то выдуманных «измов».

Из забытых судеб и мечты,
Из звезды далёкого далёка,
Из того, что есть на свете ты,
Молода, красива, одинока.

Копит солнце пятна и штрихи,
И на сердце как-то вьюга злее,
А когда приходят в дом стихи,
Мир жестокий чуточку добрее...

Мир не умрёт, пока живут поэты,
Века хранят счастливые сонеты...

ЭПИГРАММЫ

Справка. Иногда садоводы недоумевают:
вроде грядка в порядке, листья мощ-
ные, раскидистые, а цветов и завязей
нет. Значит, среди культурных кустов
появились сорта – сорняки. Их имена:
Бахмутка, Жмурка, Подвязка, Дубняк...

Сорняки

Планету освоив, покоя не зная,
Силы стремятся на поиски рая,
Люди как люди, но есть и сорняк:
Жмурка, Бахмутка, Подвязка, Дуб-
няк...

«Борису Горбоносу»,
(псевдоним Аллы Пугачёвой)

К чему бы «Горбонос»? Не потому ли,
Вы обществу все комплексы вернули?

И не томит уж сердце прежний жар,
В душе зола и пламенный пиар!..

Беседа

Дай нам ум, речь и знание: ум - чтобы мы могли понять Тебя, речь - чтобы мы могли объяснить Тебя, знание - чтобы мы могли знать Тебя.
(Молитва Благодарения, из апокрифов Нового Завета)

- Сергей, давай начнем нашу беседу, с того, что еще раз рассмотрим понятие оккультизма. Словарь Ожегова под оккультизмом подразумевает необъяснимые, таинственно связанные с «потусторонним миром» различные представления. На мой взгляд, данная трактовка не отражает реальной сущности оккультизма. В своих работах ты не раз говорил, что космогонические писания очень сложно понять человеку с классическим мировоззрением, потому, что они связаны с таинством. Как ты понимаешь тайное и как оно связано с оккультизмом?

- Таинство для меня это то, что делается без свидетелей или то, что какое-то свидетельство человек не может объяснить логически в определенном контексте. Но в Библии написано, что всё тайное делается явным и в отличие от оккультизма, который всё тайное оставляет тайным, мы стараемся это тайное сделать доступным для понимания простому человеку. Оккультизм это неверная интерпретация самого понятия таинства и не неверное толкование того, что следовало бы объяснять.

- В нашем издании, мы не раз говорили, что змеем искушителем в Эдемском саду был реальный человек и был еще мудрый змей, в контексте библейской истории это Моисей. Внимательный читатель, так же мог понять, что Богом в Эдеме, тоже был реальный человек. В статье «Является ли Иоанн Богослов Богом?» ты говоришь, что тайные образы: дерево познания добра и зла и древо жизни - это тоже люди. Как ты пришел к такому выводу?

- Прежде всего, исходя из плодов. В тексте Иоанна Богослова говорится: Моисеем дан закон, а Иисусом дана благодать и истина. Закон, который дал Моисей, есть грех. Приращение к таким познаниям и плодам делает людей падшими. Я часто говорю, что нужно всё соотносить с реалиями. Возьмем, к примеру, Уголовный кодекс. Любой здравомыслящий человек, читая его, понимает, что там говорится о плодах зла. Когда мы получаем добрые известия о хороших, справедливых поступках или делах, мы это соотносим с плодами добра. Добрые и злые дела и поступки, это не что-то сверхъестественное и потустороннее, это реальность жизни, которая может совершаться и без свидетелей и на месте этих поступков могут находиться какие-то свидетельства, через которые мы можем понять, кто совершил злодеяние или благое

дело. Например, окуроч, на месте преступления, может вывести следователя на преступника или если, кто-то нам помог, при этом, не обозначив себя, то мы можем выяснить имя этого тайного добродетеля.

- Действительно те плоды, о которых говорили Моисей и Иисус это дело рук людей, и в библии говорится, по плодам их узнаете

Тайное и явное

их. Сергей, а почему в библии это изложено притчами и образами?

- Прежде всего, Библия это стихосложение и она написана языком сказаний (сказочным), но так как всё это реальность, то любой человек, владея такой стилистикой, может написать подобные истории, которые соотносятся с конкретными персонажами, странами, эпохами.

- Получается что, можно взять, к примеру, клеветника Петю и добропорядочного человека Васю и сложить историю их взаимоотношений. Клеветника Петю можно назвать дьяволом, а Васю богом и в тексте не указывать их имена и другие данные. И можно это подвести и к глобальным масштабам, когда к власти приходят порочные люди или добропорядочные.

- Да, Алексей, действительно это можно сделать так, но вся сложность заключается в том, что при этом надо рассматривать весь мир и всё что в мире на признаках добра и зла. Это можно рассматривать по вертикали (мир горный и мир дольный, социальное устройство) и по горизонтали (по сторонам света, где север и восток относятся к миру вышнему, а запад и юг к миру низшему; это может быть среда рождения, начиная даже от почвы и заканчивая климатическими особенностями). На эти соотношения надо смотреть мудро, т.к. в сыне плотника (Иисус) мало кто увидел божьего человека (родился в Иудее, которая была нижним царством, относительно Израиля и была провинцией мировой державы Римской империи). Этот божий человек Иисус пострадал во время правления Римом злодеем Тиберием, который использовал закон, принятый в отношении святого Августа о непрощении хулы на святого духа и уничтожил много справедливых людей.

- То есть, по поступкам и делам, можно сказать к какому миру принадлежит человек: к падшему или к божьему. Иногда добро может казаться злом, и наоборот, поэтому, человеку необходимо понимать духовные законы, чтобы правильно соотносить их с реальной жизнью. Вековая интерпретация оккультистами, того, что Адам и Ева вкусили запретное яблоко, не имеет ни какого отношения к действительно-

сти, так же как и другие оккультные измышления о потустороннем мире и сверхъестественности. А теперь мы подошли к основной теме статьи «Является ли Иоанн Богослов Богом», где ты приводишь различные примеры и правила, и признаешь Иоанна Богослова Богом. Исходя из последовательности, которую ты указал и которая существует в двух Евангелиях, всё это приводит к тому, что выстраивается линия Богов-Людей: от Иоанна Богослова, Иисуса, Отца Иисуса до Авраама и от Авраама до Бога в Эдемском Саду, как некое генеалогическое древо. Но, как ты знаешь, Сергей, те, кто называет себя христианами, кроме Иисуса не признают других Богов, другие же, признают Моисея, третьи берут свою изначальность от Авраама, четвертые признают только Бога в Эдемском Саду. Получается, что от единого древа люди отрубают разные ветви, и ходят с иссохшими посохами. Для примера, хочу привести историю, когда Иосиф воткнул в землю свой посох, и он начал превращаться в дерево. Некоторые оккультисты признают Иоанна Богослова божьим человеком, но не признают его богом, есть ли существенная разница между божьим человеком или богом?

- Как нет разницы между нечестным человеком и нечестью, в облики человека, так и нет разницы между Божьим человеком Иисусом Христом, Божьим человеком Иоанном Богословом, Божьим человеком в Эдемском саду – всё суть одно и то же: Бог! Однако многие люди пытаются смешивать добро со злом, добрых людей со злыми людьми и в таком помешанном состоянии естественно они не могут сами ничего различить и пытаются путать других, приводя различные признаки, данные, которые абстрагируют их же самих от реальности добра и зла, и реальность добра и зла переводят в абстракцию.

- Сергей, ты пишешь о том, что существуют люди с разным рациональным сознанием (земным и небесным). Как можно обозначить соотношение между ними?

- Это инакомыслящие люди по отношению друг к другу: одни предстают с моральными принципами, а другие с аморальными. И когда аморальное сознание господствует в человеке или в обществе, то они находятся в реальном свете ада.

- Считаю, что у нас получилось провести беседу на страницах газеты в доступной и просветительской форме. Надеюсь, люди задумаются о том, что следует ли им доверять какому-либо официальному или неофициальному оккультизму.

Беседу провели:
Алексей ИЛЫН и Пашков СЕРГЕЙ.

Юрий Ващенко –
поэт, бард
Кривой Рог

Каменный солдат

Полстолетия почти ваш покой

был нам высшей наградой.

Были счастливы мы,

что не надо идти больше в бой.

Нынче ж Родина-мать,

что стоит на холме в Сталинграде,

Как в атаку комбат,

поднимает опять за собой.

Не такой эта жизнь,

как мечталось когда-то нам, стала.

И победный наш флаг

на флагштоке бессильно поник,

Наши танки (пока)

не стащили ещё с пьедесталов,

Но пытается кое-кто

звёзды замазать на них.

...Мы ломали врага,

с боем мы покоряли вершины,

И под натиском наших полков

отступала... судьба.

«Мерседес» был для нас лишь

немецкой трофейной машиной,

А не так, как у вас тут сегодня –

мечтою жлоба.

Жили мы, как могли,

но мы всё, что имели – отдали,

Точно зная за что шли мы в бой,

погибая в бою.

А у вас, я гляжу,

продают на базарах медали,

Отдавая за деньги кому-то

и совесть свою.

Да и Вечный огонь не таким

оказался и вечным,

И не в наши победы играют

у вас малыши.

Тяжело тут стоять.

То ли небо мне давит на плечи,

То ли больно отсюда глядеть

на страну без души?

Моя вера в Победу была даже

больше, чем в Бога,

И я вижу опять,

что Отчизна попала в беду.

Как мне с места сойти?

Как мне сдвинуть бетонные ноги?

Снова надо мне в бой!.. Я смогу!..

Я сейчас... Я иду!!!

Оголодавшие магаданские тигры якутского разлива

В новую, порядком забытую реальность человека, на время становящегося авиапассажиром вводит голос стюардессы, дежурными фразами желающей приятного полета. Только тогда понимаешь, что на время полета ты попадаешь в полную зависимость от Господа Бога и его заместителей на время полета - всех членов экипажа. Желающих совершить авиапутешествие из Магадана до Владивостока на самолете Ан-140 авиакомпании “Якутия” набралось совсем не много. Бдительная стюардесса проверила крепление пассажиров к креслам, запустились двигатели, и самолет, не торопясь, поехал на взлетную полосу Он поурчал в ее начале, набирая обороты, разбежался и резко начал набирать высоту. В окне появилась земля в непривычном для большинства людей виде. Ведь для них, лишенных возможности видеть землю с высоты птичьего полета, эта картина доступна нечасто.

Оказавшиеся в железном чреве самолета были обречены на четыре с небольшим часа пребывания в нем. Кресла в небольшом самолете, выпущенном еще в прошлом веке, были узкими, и находиться в них все полетное время было тяжело.

Наблюдение за окрестностями Магадана из иллюминатора быстро наскучило по мере набора высоты и почему - то захотелось подремать. Это удалось, и полчаса полетного времени были прожиты. Прошло около часа под монотонный гул авиадвигателей. Мое место было в хвосте салона, рядом с рабочим местом стюардессы. Она выглядела уставшей и, похоже, не меньше нашего стремилась отдохнуть в Хабаровске.

Она внимательно читала толстую газету под названием “Якутия”. По ее поведению я понял, что в полете нам такие газеты не предложат и обратился к ней с просьбой:

-Девушка, можно газетку, время скоротать. Надеюсь, она не последняя?

Она устало улыбнулась и передала мне газету. Сама встала, ушла в хвост самолета и принялась за свои дела.

Довольный, я погрузился в чтение. Для меня это была не просто газета, а большое окно

в соседский двор под названием “Якутия”. Газета была центральной, и из нее можно было узнать много интересного о жизни соседей. Газета была не старой -пятидневной давности от 25 сентября 2009 года.

Начал читать интервью оперной примадонны Елены Образцовой. Вначале было даже интересно. Интерес усилился, когда прочел фразу: «Потом рассказала, как в Магадане»

Появилось предчувствие интриги, и оно меня не обмануло. Я прочел фразу еще раз, сознание отказывалось воспринимать прочитанное. Прочел еще, потряс головой и даже хотел перекреститься. Сознание продолжало бурно протестовать. Человеку, двадцать лет прожившему в Магадане и имеющему высшее биологическое образование, прочитанное показалось, по меньшей мере, странным. Даже включив воображение трудно представить написанное в рамках рационального мышления. Я вновь прочел фразу: “Как в Магадане ее встретили голодные ТИГРЫ, которые от бескормицы пришли в город”. Сознание стало в ступор- вынести подобный пассаж практически невозможно. Представилась жуткая картинка: злые, рычащие полосатые патологически голодные, слава богу, не саблезубые тигры в количестве не мене двух штук, а если принапрячь фантазию, то и более, встречают примадонну в Магадане. Жаль, не указано, где происходила встреча с хищника-

ми - в аэропорту, на концерте, или при вечерней прогулке в городском парке. Если в аэропорту – то неужели встречающие ее местные чиновники от культуры по своему состоянию походили на оголодавших без закуски зверей. Если встреча была на концерте – то возникает вопрос, как они смогли проникнуть в помещение? Если только плюшевых занесли. Хотя маловероятно - ведь плюшевые игрушки размером с полосатого в те годы были чем-то нереальным. Братя-китайцы не были еще представлены в Магадане. Ну а если звери пригрезились во время вечерней прогулки в парке, то здесь все плохо - закусывать надо и не будет таких страшных видений.

Биологическое образование позволило предположить, что по воле Всевышнего уссурийский тигр из мест своего естественного ареала на самом юге Хабаровского края, пересекает его и на самом Севере. Затем попадает в южные районы нашей области в совершенно не свойственные для него места обитания. Он коварно пробирается для того, чтобы запугать оперную примадонну. А может, ему классику послушать захотелось, и отважился на такой переход. Даже отважился –ведь тигров было не менее двух А ведь в Хабаровске или Владивостоке оперные концерты бывают чаще, да и поближе как-то.

Вот такие забавные мысли пронеслись в голову после прочтения этой фразы, претендующей на открытие в области зоогеографии.

Прочитанное даже развеселило, но не надолго. Обидно стало за родной город, который в публикациях газет из соседних регионов представляется в таком смешном виде.

Когда эмоции от прочитанного улеглись, я подумал, что оперная примадонна, скорее всего ничего подобного не говорила. Очень хотелось бы на это надеяться. Родился этот шедевр газетного творчества, скорее всего, в воспаленном воображении корреспондента столь уважаемой газеты.

Осадок после прочитанного остался не легким - «за Магадан обидно».

Сергей МАЛАШКО
г. Магадан